

Сергей Васильевич Самаров
За нейтральной полосой
Серия «Спецназ ГРУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125413
Сергей Самаров. За нейтральной полосой: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-08593-9, 5-699-10043-1, 978-5-699-10043-9

Аннотация

Этот белый порошок – не наркотик. Это – ризин, яд, от которого нет спасения. Множество пакетиков с ризином случайно обнаружили за подкладкой шубы, которую носила обыкновенная бомжиха. Вот так волею случая стало известно о готовящемся грандиозном теракте. Кто дирижирует этим преступлением? Следы ведут в Чечню, но чем больше оперативники копают это дело, тем очевиднее вырисовываются контуры могущественной террористической организации, щупальца которой расползлись по всему миру. Офицеры спецназа ГРУ бросают вызов смертоносному спруту...

Содержание

ПРОЛОГ	4
1	4
2	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА 1	15
1	15
2	17
3	24
ГЛАВА 2	30
1	30
2	34
3	36
ГЛАВА 3	40
1	40
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Самаров

За нейтральной полосой

ПРОЛОГ

1

Старший прапорщик Толик Смолин, сидящий за рулем «уазика», считает, что все прочие водители должны пропускать милицейские машины и на красный сигнал, причем даже в то время, когда последние не включают «мигалку» с сиреной, чтобы предупредить о своем появлении. Просто смотреть во все глаза обязаны – не видно ли где ментовской машины... Такое мнение у Толика сложилось оттого, что он очень себя и свои погоны уважает. Давно служит, когда-то с папой-старшиной начинал, под его надежным крылышком, привык к этому своеобразному уважению, в глубине души понимая, что оно, по сути своей, может быть лишь слабым утешением, пригодным для личного пользования, но не более. Знает, что не слишком уважают его погоны другие, потому и особенно хочется уважать себя самому.

Рядом сидит Коля Рыбин, защелкивает и снова открывает наручники – временами замок заедать стало, в прошлое дежурство «окольцевали» одного азера, так пришлось тому четыре с половиной часа в наручниках провести, потому что замок открываться не хотел. На заднем сиденье ворочает толстым задом Миша Хрищенко, тяжело скрипят пружины.

Оба они тоже старшие прапорщики. Но возрастом помоложе. Этим и на уважение наплевать. Они как-то иначе живут. Коля-то когда-то даже на заводе работал. Сейчас посмеивается над той жизнью... Его теперь на завод веником крапивным не загонишь... А Миша вообще, кроме милиции, нигде и никогда не работал. До армии, как говорится, «дурака валял», а после армии сразу в райотдел попал. Да его и не поймешь, что он думает, чего хочет. Больше молчит – угрюмый, привычно «тормознутый». Говорит, только когда испугать кого-то хочет, и не всегда к месту. Но дубинкой хорошо орудует – обеденный стол с одного удара проламывает, за что его и ценят...

Рация трещит не умолкая. Если сквозь треск и доносятся слова, то разобрать их трудно. Идут обычные переговоры. Этих переговоров всегда ведется так много, что бывает трудно порой услышать, что обращаются именно к тебе.

– Эх, Толян, давай-ка на базарчик заскочим... – Коля вдруг хлопает себя по лбу, словно с памятью у него стало туговато от трудовых бдений и он вдруг что-то важное вспомнил. И убирает наручники в чехол на пояс – совсем сломал замок и не может уже даже ключ вытащить.

– Семечек захотелось? Всю машину мне заплюешь... – усмехается Толик.

Коля вздыхает:

– Жена заколебала... Картошки ей «привези»... – в последнем слове он подражает солидному голосу жены, почти такому же ответственному, как у Миши.

С заднего сиденья привычно-похоронным голосом вещает и Миша. Его слова звучат авторитетно, как приговор верховного судьи:

– У нас не самосвал... А меньше твоей бабе до следующей смены не хватит...

Теперь Коля улыбается с искренним восхищением в глазах:

– Уж то-очно... Она у меня обширная...

– «Широка жена моя родная...» – пропевает Толик под дребезжание рации и более активное дребезжание «уазика», переезжающего, покачиваясь, как утка, через трамвайные рельсы.

Дальше, за рельсами, на перекрестке двух оживленных улиц, один угол широкого тротуара полностью отдан торговым рядам, разбегающимся в две стороны, – это и есть местный базарчик.

– Вон туда заезжай... – толстым пальцем показывает Коля. Палец заскорузлый, с потрескавшейся кожей. У Коли все пальцы такие, словно он ими каждый день в земле работает. – Через стоянку, за палатки, чтоб со стороны не увидели... А то начальство на обед покатит...

Толик молча заворачивает, проезжает автомобильную стоянку и переваливает за невысокий бордюрик, присыпанный снегом. Останавливается сразу за одним из павильончиков. Запах, который идет от пластиковых стен, наглядно свидетельствует, что здесь торгуют стиральными порошками и всякой прочей гадкой химией.

– Нормально... – Коля оборачивается в сторону дороги, словно проверяет, насколько хорошо замаскировалась машина от взглядов со стороны. Он помнит, как совсем недавно на разводе давали «крутой втык» одному из патрульных экипажей за излишнюю «любовь» к продавцам с базара.

Коля выходит первым. За ним Миша. Оба осматриваются и синхронно потягиваются. Толик наблюдает за ловкими товарищами, что направляются к рядам, где торгуют картофелем.

Картошкой торгуют в основном пришлые – таджики – и местные – деревенские татары. Последних меньше, потому что у татар хуже покупают. Знают, что большая часть татарских и башкирских земель в области, что к северу от областного центра, радиоактивно заражена, и не все рискуют покупать картошку, не зная, откуда она. Таджики, по слухам, скупают за бесценок картошку в соседней области. Там ее много. И возят на продажу сюда. Хотя, по другим слухам, они как раз с зараженных земель и покупают.

Коля направляется к первому же попавшемуся на глаза таджику. Молодой парень, не по-зимнему чернолицый, словно с испанского курорта только что вернулся. Глаза опасно бегают – имеет опыт общения с ментами, сразу видно. Старший прапорщик его страх чувствует. И умело этим пользуется. Протягивает руку.

– Что? – спрашивает таджик, хотя хорошо знает, зачем менты приехали.

– Документы... – говорит Коля как можно более угрюмо и жалеет, что Миша такой «долгоиграющий». Произнеси это слово он со своим голосом, торговцу пришлось бы уже срочным порядком штаны менять.

Однако таджику хватает и одного вида грязно-серых мундиров, чтобы оценить ситуацию. Он вытаскивает из кармана целлофановый пакет, долго разворачивает его дрожащими пальцами.

В паспорт вложены остальные документы...

Толик наблюдает из салона машины, откровенно любуясь суровым выражением лиц своих товарищей. Миша не любит разговоров, но очень любит, может быть, больше, чем жену родимую, свою дубинку. И потому постукивает ею по бедру. Это старая привычка... Одни по ладошке себя постукивают, Миша по бедру... С его ростом это получается эффектно. Беда только, когда Миша начинает злиться. Сам как-то жаловался, что вся нога после этого в синяках – никак не научится силу удара соизмерять.

Таджик, торгующий картошкой, тоже бросает время от времени взгляды на дубинку. А Коля тем временем смотрит документы, что-то спрашивает, потом документы убирает к себе в карман. Значит, начинается обыкновенная раскрутка. Оно и понятно: здесь же базар, значит, будет торговля. Молодой таджик начинает что-то объяснять, показывая пальцем...

Напарники возвращаются. Не дожидаясь, пока они сядут в машину, Толик захлопывает свою дверцу и включает двигатель. Старшие прапорщики садятся по местам. Истерично скрипит сцепление – вот же характер у железа скрипучий!

– Кати во двор... – говорит Коля. – Вокруг соседнего дома, иначе не проехать...

– Чего сразу не взял? – интересуется Толик.

Вертеться по дворам ему тоже не хочется. Народ нынче ненадежный пошел. Любят на брата мента пожаловаться. Посмотрят в окно, наберут телефонный номер и сообщат номер машины...

– Склад у них в подвале. Здесь в мешках не осталось... Не на сиденье же у всех на глазах сыпать...

* * *

Машина выезжает на дорогу и сворачивает во двор.

– И чего там у него с документами? Регистрацию черный, как всегда, сделать не успел?... – Толик продолжает расспрашивать. Он вообще человек любопытный. И мелочи любит знать. Некоторые даже запоминает, чтобы потом к месту или не к месту вставить.

– Вроде нормально все... – отмахивается Коля.

– А ты что?

– Санитарную книжку спросил...

– Ха... А она ему очень нужна?... Картошкой же торгует... Ею бабки на каждом углу торгуют... Все без книжек...

– А хрен его знает, – пожимает Коля плечами, словно бы сам удивляется собственному поведению. – Согласился, значит, наверное, нужна...

«Уазик» въезжает во двор, делает петлю вокруг дома. Издали им машет рукой таджик, оставшийся на время без документов, поторапливает. Он прошел напрямую между домами, где нет проезда для машины, и потому опередил ментов. Сам таджик спускается в подвал, но предварительно показывает рукой, где удобнее остановиться машине. Машина подъезжает.

– Заднюю дверцу будьте-с, маму вашу, любезны... – просит довольный собой Коля.

Толику выходить не хочется – и не служебное дело, и не для себя старается, – и он просто протягивает ключи. Коля выходит из машины, и слышно, как щелкает единственный хорошо работающий в машине замок – в отделении, где возят задержанных. Дверца распаивается.

Толик смотрит вперед. Видит, как из подвала поднимается молодой таджик и тащит сетчатый мешок картошки. Обходит машину. Миша оборачивается, смотрит, как таджик с Колей пристраивают мешок. Толик за этим же смотрит в зеркало заднего вида. Дверца хлопает. Коля возвращает таджику документы и садится на переднее сиденье:

– Поехали...

Но теперь уже сам Толик, чуть подавшись вперед и полуразвернувшись, смотрит куда-то в противоположную сторону. Коля пытается рассмотреть, что так заинтересовало водителя, тоже наклоняется вперед. Тот, оказывается, рассматривает помойку, расположенную на другой части двора.

– До чего довели народ... – оборачивается и с сочувствием говорит Толик. Голос его вдумчивый, взгляд почти умный. – Приличная дамочка... В такой шубе... В помойке копается... Смотри, смотри, как прыгает... Из контейнера в контейнер... Как белка...

– А ну-ка, – настороженно говорит вдруг Коля, – кати-ка, маму вашу, туда...

Толя и сам уже понимает – что-то в увиденном не сходится с реальностью. Газует и едет напролом, через бордюр, через низкие талые сугробы, окружающие дорогу, рассекает большой сугроб, окружающий детскую игровую площадку, и умудряется каким-то образом

не раздавить собачку, гуляющую на длинном поводке с пожилой женщиной. И только около помойки резко тормозит. Машина идет по талому насту юзом, но мусорные контейнеры благополучно не таранит.

– Картошка рассыпалась, – обиженным тоном басит с заднего сиденья Миша, словно это его невосполнимая личная потеря.

– Пойдем глянем туда... – Голос Коли устремлен вперед, как мысль спринтера, принявшего положение для низкого старта, а сам он вытягивает шею, словно охотничья собака.

– Картошка, говорю, рассыпалась, – повторяет Миша, – мешок развязался...

Но выходит следом за Колей.

В один из мусорных контейнеров свесилась, наполовину перевалившись за борт, женщина в дорогой шубе. Но, только оказавшись ближе, менты видят несоответствие. Из-под длинных пол – ярким цветком на помойке! – выглядывают драные и грязные тряпичные сапоги, подвязанные грубой бечевкой, чтобы подошвы нечаянно не потерять.

– Эй, мадам... – говорит Коля. – Чудо, маму вашу, в перьях...

«Чудо в перьях» не отвечает, занятое нелегкой поисковой работой. Миша значительно шевелит рукой и отстегивает дубинку. Для начала пару раз стучает себя по бедру. Уже более серьезно, чем стучал перед молодым таджиком. Менты, морщась от запахов, пододвигаются ближе, и Миша коротко и резко, хотя и без замаха, бьет «чудо» по тому месту пониже спины, что оказалось выше своего естественного состояния, вынужденно приподнявшись над контейнером.

«Чудо» выпрыгивает и поворачивается. Бомжиха намеревается проявить свою реакцию на удар, но, увидев ментов, сначала пугается. Лицо у нее такое, что ментам ни к чему показывать. Под обоими глазами синяки, на скуле ссадина, губа рассечена. Но испуг быстро проходит.

– Чего дрыном размахался... Больше нечем, что ли...

Хриплый и сиплый, севший «одеколонный» голос.

Коля с удивлением рассматривает шубу:

– Маму вашу!.. Я как-то в магазине такую видел... Хорек... Тыщ на девяносто тянет...

– Сам ты хорек... – сипит бомжиха.

Миша тем временем достает из кармана газетку, разворачивает и протирает дубинку, словно испачкал ее об бомжиху, пусть даже сквозь дорогую шубу. Газетку аккуратно выбрасывает в мусорный контейнер.

– И где же ты такую шубу стащила? Только не говори, что на помойке нашла... – Коля сузил глаза, самому себе кажется проницательным и хитрым.

– Моя! Наследственная... – сипит бомжиха с гордостью и задирает ободранный нос.

– Для жены бы отобрал... – говорит Коля с рачительной раздумчивостью. – Да на нее сразу три таких надо... А ну...

Он хватается бомжиху за воротник и распахивает шубу. Видно розовую шелковую подкладку, простеганную ромбиками. Еще чистую. Бомжиха просто не успела испачкать ее.

– Где стащила, мразь? – убийственно пугающе, но пока еще спокойно произносит Миша. Настал момент, когда положено прорезаться его авторитетному голосу, чтобы добиться результата. Его голос порой вполне успешно заменяет дубинку.

Бомжиха пытается вырваться, но Коля держит ее цепко – он по натуре клещ, если уж вцепится, не оторвешься. Его как-то ножом основательно полосовали, а он хватку не расцепил, тем и спасся...

– Снимай! – говорит он злобно.

– Спа-а-сите... Разде-е-евают... Гра-а-бют... Менты позорные... – вдруг орет бомжиха благим сиплым матом.

– Поехали в райотдел... – Коля за шиворот тащит бомжиху к машине. – Там тебя и разденут, и расчешут, и утешат по всем статьям...

– Сдурел? – солидно спрашивает Миша. – Она нам всю машину завоняет... Картошку выбрасывать придется... Забрать шубу да пинка ей дать...

– Шуба наверняка в розыске. Потом придется и эту стерву по подвалам отлавливать... Поехали...

Бомжиха снова принимается орать:

– Раздева-а-ют... Убива-а-ют... Последнего имущества лишают, менты позор...

Коля упорно тащит бомжиху к машине. Толик уже открывает заднюю дверцу, и на снег скатывается несколько крупных отборных картофелин. Миша поднимает их и забрасывает под ноги бомжихе, которую уже втокнули внутрь...

* * *

Вместо одной стены в камере для задержанных – обыкновенная решетка из толстых металлических прутьев. Всем входящим в райотдел милиции сразу видно, кто там сидит. Люди ходят мимо, местные сотрудники и посторонние, но не обращают внимания на плачущую бомжиху, что обхватила голову двумя руками. Заплачешь, когда такого наследства лишают... Дверь в камеру из коридора – прямо напротив комнаты дежурного.

В самой дежурной комнате капитан с пышными буденновскими усами и повязкой на рукаве держит в руках листы протокола, только что принесенные дознавателем. На спинке стула висит небрежно брошенная хорьковая шуба. Розовая подкладка светится качественным шелком.

– Оперативно мы сработали... Только час назад ориентировка по розыску пришла... Молодцы...

Усы капитана топорщатся с победоносной гордостью. Перед ним стоят два старших прапорщика – Коля и Миша. Тоже довольны. Здесь же и дознаватель. Покручивает в тощих кривых пальцах авторучку. Делает это с ловкостью фокусника.

– Где эта шалава такую шубу сперла? – интересуется Коля.

– Говорит, парни подарили... Молодые, красивые, в кожаных куртках, лысые... – дознаватель чешет ручкой затылок, но у него там лысины не предвидятся – от природы волосатый, – и снова бросает взгляд на шубу. Он расстроен, что подарили бомжихе, а не его любимой жене, которая считает, что одета хуже подруг.

– Как же... Подарят... Такой раскрасавице... Как тут удержаться... – смеется Коля.

– Издевается, с-сука... – рычит Миша. – Не верит...

– Не торопитесь... В самом деле, похоже на правду... Скинхеды... Есть на них заявление... Из травматологического отделения горбольницы... По городской сводке идет... Скинны двух азеров избили. С мужика дубленку сняли шестьдесят восьмого размера – пузатый, наверное, дяденька, с бабы хорьковую шубу. Мужик в реанимации... Башку ему велосипедной цепью проломили... С ним пока и не разговаривали... Его сразу на операцию... Баба до сих пор еле языком шевелит... Фоторобот скинов сделать пока не в состоянии... Так... В общих чертах сказала... У нее сотрясение сильное... И глаза синяками заплыли... Как у той вон... – кивает в сторону камеры.

– Шубу-то уж подпортила, зар-раза... – пышноусый капитан кончиком башмака стряхивает с розового шелка подкладки шматок сырой грязи. Замирает вдруг, стоя на одной ноге. – Ну-ка... Что это?.. – наклоняется и прощупывает подкладку. – Тут что-то вшито, мужики...

Над полкой шубы склоняются все. Прощупывают весь низ. Переходят выше.

– И здесь...

– И здесь...

– Тащите ее к экспертам... – распоряжается дежурный.

– А если испортим? – спрашивает Миша.

Миша аккуратен не только со своей дубинкой и с мешком картошки, предназначенной жене сослуживца. Он во всем такой.

– А это не мы... – хитро улыбается дежурный капитан. – Это бомжиха что-то с ней делала...

– Ну-ну... – кивает Миша. – Вещь жалко...

Дознаватель тащит шубу. За ним устремляется Коля. Миша вынужденно идет следом.

Эксперт долго протирает очки, выслушивая историю. И долго еще делает то же самое, закончив слушать. Наконец, кивает на стол сбоку от себя:

– Блох на ней нет? Положи...

И вытаскивает из пластмассового стаканчика стоящий среди карандашей острием вверх медицинский скальпель. Подпарывает подклад, запускает под него пальцы, что-то прощупывает, потом просто заглядывает в отверстие.

– Ага! – говорит так, словно все и всем понятно.

И тут же движением фокусника резко отрывает весь низ подклада и держит его приподнятым. Все склоняются, чтобы рассмотреть, что там. Во многих местах к внутренней стороне хорьковых шкурок, из которых сшита шуба, скотчем прилеплены небольшие целлофановые пакетики с белым порошком.

– Наркота-с... – докладывает эксперт и отрывает первый пакетик. – Мелкая расфасовка для удобства скрытой транспортировки...

Его примеру следуют остальные, вытаскивая всю партию. На столе образуется целая куча таких пакетиков.

– Килограмма на полтора в общей сложности потянет... – говорит эксперт.

Коля между делом сует один из пакетиков в карман. По старой ментовской привычке... Когда-нибудь сгодится... И продать можно... И, если необходимость представится, кому-то строптивому подсунуть... Такая необходимость встречается часто, потому что народ пошел больше подлый, милицию и власть не чтит, как следовало бы...

Эксперт сам работать с наркотиками не умеет. Их следует переправлять на специальную экспертизу. Но он насмотрелся эффектных американских фильмов про мафию – обожает смотреть такие фильмы. И потому, нисколько не сомневаясь в своих действиях, легким движением скальпеля вспарывает один пакетик, берет на кончик небольшое количество порошка и пробует на язык. Знает, что так проверяют качество киногерои...

– Похоже на героин... – заявляет авторитетно.

– Не-а... – говорит дознаватель. – Героин слегка сероват... Сжелта... Это кокаин, его нюхают...

Он тоже не сомневается в правильности своих действий, потому что тоже любит американские фильмы. Берет щепотку, ссыпает на внешнюю сторону кисти горочкой, прижимается к белой горочке ноздрей и тянет носом, зажав вторую пальцем.

– Кокаин... – говорит дознаватель.

– Фу, гадость... – басит Миша.

Он не хочет пробовать гадость ни на вкус, ни на вдох.

– Готовьте рапорт, отправляйте в горотдел «по степени тяжести»... – говорит эксперт. – Наше дело маленькое – шубу нашли и поставщиков наркоты вычислили... Дальше пусть сами вертятся...

* * *

Через час и эксперт и дознаватель будут удивляться своему здоровью – попробовали они наркоту и даже ничего не почувствовали. Во, крепки! Но через два с половиной часа они почувствуют, что со здоровьем у них не все в порядке... Это же почувствуют и наркоманы, которым Коля вскоре продаст пакетик, чтобы вдобавок к картошке купить своей «обширной» жене мяса...

Еще через пару часов эксперт и дознаватель узнают, что приняли рицин¹, от которого в мировой медицине нет противоядия...

¹ Рицин – яд, получаемый из дробленых касторовых бобов.

2

Поезд приходит в Дрезден с немецкой аккуратностью – минута в минуту согласно расписанию.

Циремпила Дашинимаева встречают около выхода с вокзала. Народ движется к стеклянным дверям большой массой, но встречающих все же видно. Сухощавый пожилой немец в больших, чуть не в пол-лица, очках стоит у двери и держит в руках лист бумаги с написанным русским алфавитом именем и фамилией гостя. Циремпил с трудом выдвигается из людского потока и с еще большим трудом – из вереницы объемных чемоданов и останавливается против немца. И значительно улыбается.

– Господин Родич? – Циремпил знает, что профессор Родич свободно разговаривает почти на всех славянских языках. Да и сам он немец только по документам, а происходит из померанской деревеньки, где до сих пор своим миром живут потомки древних лютичей, одного из славянских племен, поглощенных нашествием германцев во времена правления внуков франкского императора Карла Великого. Лютичи, близкие родичи чехов и поляков – славянский народ, один из немногих в Западной Европе лишенный своей государственности, но не ассимилировавшийся среди немцев и сохранивший свои обычаи и язык. Даже национальные костюмы в немногих деревнях, состоящих полностью из лютичей, остались прежние, славянские.

– Господин Дашинимаев? – профессор кивает, уже понимая, что встретил именно того человека, приезда которого так ждал в течение нескольких месяцев.

– Да, это я... – ответно кивает Циремпил и улыбается.

Родич выглядит именно так, как он представлял его. Хотя однажды Циремпил даже видел портрет профессора в книге. Правда, на том портрете Родичу слегка за сорок, то есть столько, сколько сейчас самому Циремпилу, а теперь Родич, наверное, готовится перешагнуть седьмой десяток, но черты лица остались легко узнаваемыми.

Они пожимают друг другу руки. Оба рады встрече, оба в ней заинтересованы. Вернее, заинтересован больше профессор. А для Дашинимаева это приглашение – большая честь. Еще бы, его, дилетанта, приглашает для консультаций такое мировое светило, такой специалист по истории славянства, как профессор Родич. А всему виной работа Дашинимаева, посвященная изучению славянской докириллианской письменности. Предмету, который по недомыслию отмечается даже официальной культурой и образованием России. Официально считается, что письменность восточным славянам принесли «салунские братья» Кирилл и Мефодий. Хотя даже в «Житии святого Кирилла» рассказывается о том, что он позаимствовал азбуку, впоследствии названную кириллицей, у русича из Херсонеса, только добавив в нее несколько греческих букв для лучшего понимания священных христианских писаний и отбросив некоторые буквы, показавшиеся ему ненужными. Много споров велось и ведется по славянским рунам, но рунная письменность скорее всего заимствована у германских и скандинавских племен. Ее существование доказано раскопками в районе бывшей столицы лютичей городе Ретра, раскопками в храмах бодричей и лужицких сербов. Буквенный же алфавит многие считают легендой, хотя и его подлинность уже многократно подтверждена результатами археологических раскопок.

Сам Циремпил по национальности бурят и, следовательно, не имеет к славянам никакого кровного отношения. Тем не менее он, художник по профессии, увлекся изучением славянской письменности полтора десятка лет назад и сумел разобрать многие тексты, которые до него читались только эпизодами.

Профессор Родич вел раскопки на острове Рюген², на месте, где стоял знаменитый в раннем Средневековье бодричский храм Свентовита в Арконе, столице острова. Глиняные дощечки с таинственными письменами грозили открытием, способным перевернуть многие устоявшиеся исторические представления. Однако большую часть текстов прочитать так и не удалось, хотя над ними работали многие языковеды. И вот профессор Родич пригласил к себе в Дрезден дилетанта, работу которого он случайно прочитал.

* * *

– Дорога не очень вас утомила?

– Поезд меня всегда утомляет. Характер слишком нетерпеливый... Я раньше предпочитал летать самолетом, но по нынешним временам цены на авиабилеты мне не по карману, приходится мириться с возможностями...

Профессор, как вежливый хозяин, все пытается взять небольшой чемодан Циремпила, но тот, как человек более молодой, не видит труда в том, чтобы нести его самому. При этом улыбаются друг другу и не замечают, как удивленно рассматривают Дашинимаева молодые парень с девушкой, приехавшие в том же поезде, и еще один человек, встретивший их. Они даже переглядываются, показывая друг другу глазами на приезжего. И тут же друг другу кивают. Девушка вытаскивает трубку мобильного, отходит в сторону и не слишком долго разговаривает. Потом возвращается к своим попутчикам и что-то тихо говорит им.

– Просто удивительно!.. – восклицает парень. – Не думал, что такое бывает...

– Велено не отпускать... – напоминает девушка.

* * *

Старенький «Трабант» выруливает со стоянки.

– Я не стал устраивать вас в отель. У меня много свободного места дома. После смерти жены я живу один на двух этажах. Уже три месяца... И чувствую себя очень одиноким... Составьте мне компанию... И дома мы к тому же вполне сможем пообщаться без помех... Сегодня воскресенье, я покажу вам город. Завтра утром вместе отправимся в лабораторию...

– Хорошо, – без уговоров соглашается Циремпил. Ему самому интересно такое общение с профессором. Можно будет задать вопросы, целый список которых он приготовил в рабочей тетради. Месяц готовил, как только узнал, что встреча состоится.

Оба они никогда не имели отношения к деятельности спецслужб и не привыкли следить за окружающей обстановкой. Хотя Циремпил опытный таежный охотник и умеет наблюдать. Но ему не видно зеркало заднего обзора, потому что все зеркала настроены под водителя. А профессор смотрит в зеркало, только перестраиваясь из одной полосы движения в другую. И совсем не обращает внимания на темно-зеленый «Ленд Ровер», что следует за ними через весь Дрезден.

* * *

«Ленд Ровер» иногда идет почти вплотную, иногда движется по соседнему ряду, иногда даже чуть-чуть, на пару машин, отстает, но не теряет при этом «Трабант» из вида. За рулем тот человек, что встречал парня с девушкой на вокзале.

² Остров Рюген в Балтийском море раньше принадлежал славянскому княжеству бодричей (ободритов) и носил названия Руян или Буян.

Парень на переднем сиденье. Девушка на заднем. Сидит вполоборота, потому что любит забрасывать ногу на ногу, а «Ленд Ровер» обладает только прекрасной проходимостью, но совсем не обещает удобства лимузина. При этом девушка держит в руках трубку мобильного и время от времени на нее посматривает. Очевидно, что ждет звонка.

Звонок, наконец, раздается и заставляет парня на переднем сиденье повернуться, а водителя поправить воротник куртки, чтобы не мешал слышать.

Девушка смотрит на мониторчик с определителем номера. После этого отвечает:

– Алло, я слушаю... – Она нажимает на телефонной трубке боковую кнопку, чтобы сделать громкость максимальной.

– Как дела? – спрашивает вежливый, почти услужливый голос. Такое впечатление, что говорящий улыбается.

– Плотно «держим»... Вы выяснили, чей номер?

– Машина принадлежит профессору Родичу. Это специалист по истории славянства. Тот глупый человек, что пытается доказать, будто бы этруски и вандалы были славянами... Кто такой его гость, не в моих силах выяснить... Запишите домашний адрес профессора... И адрес его лаборатории...

Парень на правом переднем сиденье записывает в блокнот.

– Что с ними делать дальше?

– Я решу это... Не выпускайте их из вида... Сейчас определите направление. Он может отвезти гостя или домой, или в отель... Если поедет домой, постарайтесь добраться туда раньше, чтобы он не заметил «хвост». И ждите недалеко от дома. Оттуда позвоните мне. Я готовлю группу...

* * *

Окраина Дрездена. Здесь автомобильное движение небольшое, да и прохожих мало.

«Трабант» заезжает правыми колесами на тротуар и останавливается нос к носу с занявшим здесь же позицию темно-зеленым «Ленд Ровером». У «внедорожника» стекла слегка тонированы. Видно, что в машине кто-то сидит, но трудно разобрать кто.

– Приехали, – говорит профессор. – Вот мое скромное жилище, – показывает он на высокое крыльцо, ведущее к двери небольшого особнячка.

Циремпил выходит из машины вслед за Родичем, тем не менее смотрит не на дом, а на «Ленд Ровер». Что-то смутное и не слишком понятное шевелится в голове. Он понимает, что это не «дежа-вю»³. Взгляд на номер, кажется, проясняет ситуацию.

– Эта машина была на вокзале... – говорит Циремпил.

– На каком вокзале? – Профессор не понимает, о чем речь.

– Когда вы меня встречали... Стояла через машину от вашей. Я случайно на номер посмотрел. У меня память фотографическая.

– Ну, мало ли... – Профессор пожимает плечами. Он не интересуется такими мелочами.

Но в самом «Ленд Ровере» весьма интересуются и профессором, и его гостем. Наблюдают внимательно. Трубка мобильного в руках у девушки.

– Алло... Они приехали домой к профессору...

– Группа выезжает... Как только они подъедут к дому, вы сразу уезжайте. Ни к чему вам там светиться... Они все сделают сами...

³ Дежа-вю – в эзотерике и психологии так называется ощущение, при котором вам кажется, что вы узнаете людей, предметы, события, хотя знаете, что встречаетесь с ними впервые.

* * *

Родич смешно выглядит в женском переднике с кружавчиками.

И поднос профессор несет очень неумело. Дашинимаев догадывается, что сам Родич обычно питается прямо на кухне, а гостя решил угостить в столовой. Даже с некоторой торжественностью, о чем говорит сервировка.

Профессор выходит из кухонной двери и направляется к длинному обеденному столу из мореного дуба, уже готовится устроить на его краешек поднос, когда Циремпил слышит за своей спиной, откуда-то из широкого, почти квадратного коридора, непонятного характера звук, и почти тут же слышится голос:

– Приятного аппетита, профессор...

Родич от неожиданности поднос роняет, звенит стекло, летят брызги. Профессор резко выпрямляется и оборачивается:

– Кто вы такой? Как вы сюда попали?

Разговаривают по-немецки. Циремпил не знает немецкого языка, но чувствует напряжение и тоже оборачивается. В столовую входит высокий худощавый человек восточной внешности. Походка хозяйская. Следом за ним еще двое, тоже, судя по лицу, явно не немцы.

Первый смотрит на Циремпила в упор.

– Действительно похож... – говорит неожиданно по-русски.

Но тут же поворачивается к профессору, вытаскивает из-под длинной драповой куртки пистолет с глушителем, приставляет прямо к груди Родича и три раза подряд стреляет, не утруждая себя разговорами.

Двое помощников убийцы подходят к Дашинимаеву сзади и цепко хватают за руки.

– Ведите его... – опять по-русски говорит убийца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

1

Из длинного коридора двухкомнатной квартиры-офиса, занимаемой российским бюро подсектора Интерпола по борьбе с терроризмом, время от времени доносятся звучные удары, на которые никто не обращает внимания. К такому все уже привыкли, более того, все сотрудники порой становятся причиной аналогичных звуков, исключая самого руководителя подсектора Александра Игоревича Басаргина. Он не любитель занятий, в которых не специалист.

Обычно самое большое кресло в офисе занимает Виктор Юрьевич Гагарин, называемый попросту Доктор Смерть. Именно для его солидной, центнеровой с лишком фигуры и было приобретено это кресло, потому что другие кресла его просто не выдерживают. Но в отсутствие Доктора руководитель подсектора сам работает за компьютером, следовательно, и креслом он же пользуется.

– Алексей, Доктор когда должен появиться? – спрашивает он Ангела.

Ангел – Алексей Викторович Ангелов, получивший свою фамилию в наследство от папы-болгарина, отставной офицер спецназа ГРУ, – с ожесточением мучает учебник французского языка, чтобы с его помощью разобраться в материалах дела, присланного из штаб-квартиры. Его палец перебегает от строчек дела к учебнику, потом к словарю, потом стучит по клавиатуре ноутбука, чтобы набрать фразу на электронном переводчике, и снова возвращается к строчкам дела. Такое занятие заставляет Ангела даже слегка пропотеть...

– Обещал сегодня вылететь.

– Если жена отпустит... – добавляет Дым Дымыч Сохатый, он же – Дмитрий Дмитриевич Лосев, еще один представитель спецназа в подсекторе. – Он из Москвы не выбирается, а она оттуда выехать пока не может... Говорит, что чувствует себя «соломенной вдовой»...

– Когда у него рейс? – Басаргин спрашивает, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Не помню... – отвечает Ангел. – Сейчас все расписание сменилось. Я сам теперь только на машине езжу... Самолеты меня мало интересуют... Сутки, и я в Москве на колесах... Дым Дымыч, ты знаешь?..

– Позвонить надо... Не помню... – Сохатый, как и Ангел, из одного с Доктором города на Урале, и именно Доктором, тоже своим бывшим коллегой по спецназу ГРУ, оба привлечены к работе в подсекторе.

– Набери его... – рассеянно просит Басаргин, сам не отрывая взгляда от монитора и прокручивая колесико компьютерной мыши.

Сохатый включает на городском аппарате спикерфон и по памяти набирает номер мобильного Доктора. Тот отвечает не сразу, должно быть, трубка у него не под рукой.

– Да, слушаю... – искаженный эхом бас вибрирует в громкоговорителе.

– Привет, Доктор... Ты когда к нам собираешься?

– Привет, Саня... Через час в аэропорт выезжаю... Срочно понадобился?

– Наоборот... Хочется, чтобы ты подольше не возвращался...

– Слушаю тебя...

Басаргин бросает короткий взгляд на монитор компьютера.

– Я сейчас сижу за сводками МВД по России. В вашем городе... Поинтересуйся вчерашней сводкой... Тебя там только одно сообщение и заставит обратить на себя внимание. Все данные нужны полностью. У меня запрос по этой теме из Лиона⁴. В обоих случаях прямая связь с Баку... В Баку вчера вылетел Тобако, копает там... Я ему в дополнение твою информацию вышлю. Кстати, пока ты на месте, поищи этих скинов... Может, у них есть что-то конкретное... Не случайно же они...

– Не очень понимаю... Подожди, я сейчас компьютер открою... Сразу уточню...

Проходит пара минут, пока Доктор Смерть входит в сеть и находит то, что ему рекомендуют прочитать. Хмыкает в трубку:

– Приятное дельце... Я понял... У меня здесь есть старая агентура, я их подключу для сбора данных... И через местную ФСБ проработаю. Думаю, при удачном стечении обстоятельств мне хватит дня... Или остаться до полной раскрутки?

– Нет, только данные... Там едва ли много наберешь... Полная раскрутка будет, как предполагается, в другом месте...

– Есть что-то интересное?... – Доктор настораживается.

– Намечается... Агентурные данные от Зураба. Он сам приедет завтра к вечеру. Ты тоже должен быть со всеми данными. Сделаем общую сводку...

– Значит, побегаю, пропотею и добуду... Жена тебе привет передает и благодарит, что ты меня еще на день оставляешь...

– Когда она сама приедет?

– Мать больна. Не может оставить...

– Дело житейское... У меня все.

– Всем привет. До завтра...

Басаргин отключает спикерфон. В коридоре прекращаются удары, и в кабинет заходит еще один член группы, тоже отставной спецназовец ГРУ, – Виталий Пулатов. Обычно его зовут просто Пулатом, за глаза с любовью величают «маленьким капитаном».

– Сегодня уже по радио передавали... – сообщает Пулат, сразу включаясь в тему. – Там рицин нашли...

Он вертит в руках три метательных ножа странной на неквалифицированный взгляд, нестандартной конфигурации, с двусторонним лезвием, изогнутым в форме буквы «S», – в боевой обстановке такие ножи гораздо опаснее обычных и, если не точно попадают в цель, все равно наносят страшную рану. В коридоре установлен небольшой щит-мишень, в который все бывшие спецназовцы время от времени бросают эти ножи – поддерживают форму. Пулат закончил выполнение упражнения. Ножи убирает в стенной шкаф.

– Ты правильно понял, – говорит Басаргин. – В первый же день жертвами стали два мента и восемь наркоманов, принявших рицин за кокаин. Десять дураков – десять трупов...

– Что это вообще за штука такая? – интересуется Ангел. – В последнее время он часто в сводках проскальзывает...

– Экзамен по боевым отравляющим веществам, как помнится, я когда-то, давным-давно, сдал на «отлично»... А такого тоже не помню... – добавляет Сохатый.

– Да... С рицином в последнее время намечается оживление... В американском сенате его рассыпали... В Лондоне нескольких арабов накрыли с рицином... Во Франции, в Испании, у нас, в Грузии, в иракском и турецком Курдистане, в Израиле время от времени всплывает в небольших дозах... Довольно прост в изготовлении, – объясняет Басаргин. – Как боевое отравляющее вещество пригоден мало. Используется в основном как яд... Вот, у меня есть по нему справка...

⁴ В Лионе находится штаб-квартира Интерпола.

Александр открывает в компьютере нужную страницу и просто читает оттуда отдельные фразы:

– Чистый рицин опаснее яда кобры: крупица величиной с булавочную головку, попавшая в кровоток, убивает взрослого человека. Щепотка смертельна при проглатывании и вдыхании. Легко растворяется в воде и не имеет запаха, следовательно, весьма пригоден для отравления воды и пищи. Жертва несколько часов не осознает, что отравлена, затем рицин атакует живые клетки и лишает их способности вырабатывать белки. В результате начинаются нарушения дыхания, внутренние кровотечения и сбои в работе всех органов. Смерть наступает в период от 36 до 72 часов. Медицина пока бессильна против рицина, хотя, по слухам, что-то получается у израильских медиков, которые с этим ядом встречаются чаще других... Изыскания вызваны необходимостью... Палестинцы...

Использование... Для мелких терактов... Не всасывается через кожу... В 1978 году болгарские спецслужбы в Лондоне выстрелом из зонтика убили рицином диссидента Георгия Маркова прямо на улице. Ряд стран пытался найти применение рицину в оружии массового поражения, но результатов добиться не удалось. Ни Ираку, ни США, ни другим...

Самое шумевшее дело произошло под носом штаб-квартиры Интерпола... Прямо в Лионе... Некто Менада Бенчеллали, которого его арабские друзья называли «химиком», прошел специальную подготовку в лагерях «Аль-Каиды» в Афганистане... Домой, во Францию, вернулся в 2001 году... В гостевой спальне своих родителей устроил лабораторию и производил там рицин... Работал по ночам при открытом окне, чтобы рассеивать испарения... Смешивал ингредиенты в кофейнике и сушил смесь на газете... Конечный продукт – белый порошок... Бенчеллали расфасовывал свой рицин в баночки из-под крема «Nivea». Предположительно, произвел таким образом более трехсот килограммов рицина, пока его не арестовали... Часть его продукции до сих пор гуляет неизвестно где...

По данным Интерпола, школа в Афганистане, до разгрома ее американцами, смогла выпустить более ста человек, которые осели в разных странах мира. Отсутствие производственной базы не дает возможности «Аль-Каиде» производить рицин в больших количествах. Тем не менее в малых он производится... По сводке Интерпола есть данные о нескольких партиях, пришедших в Россию и в Германию из Баку. Несколько партий перехвачены... Нахождение лаборатории и производитель пока неизвестны...

Поскольку в Азербайджане нет группы, аналогичной нашей, Тобако наводит там справки... Ждем его сообщения. Если что-то интересное появится, все поедем туда...

– Там зима мокрая... – вздыхает Дым Дымыч.

– Можно подумать, здесь она как в Сахаре... – по-кошачьи фыркает Пулат.

2

В Чечне, в предгорьях, тоже выдалась мокрая зима.

– Волга, я Ростов, – раздается голос в наушнике «подснежника»⁵. – Как слышишь?

– Я Волга. Слышу нормально... Что у тебя?..

– На дальнем повороте промелькнула красная машина... Сейчас ее не видно... Двигается в нашу сторону...

В наушнике вибрирует звук, надо наушник вставить в ухо плотнее. Вот так...

– Ростов... Какая машина? «Девятка»?

– Далеко... Быстро промелькнула. Не успел разобрать... Только бинокль поднял... По моим прикидкам, в зону просмотра попадет минуты через четыре-пять... Быстро едут...

⁵ «Подснежник» – мобильное коротковолновое переговорное устройство, состоящее из наушника, убираемого в ухо, маленького микрофона и собственно рации, помещаемой в нагрудный карман «разгрузки».

- Продолжай наблюдение... Кречет! Слышишь?
 - Слышу, Волга...
 - Что у тебя?
 - Тишина. Я никого не вижу...
 - Я Ростов! Вот они... Быстрее едут, чем я думал... «Девятка»... Номер еще не разобрать...
 - Они должны быть вообще без номера...
 - Похоже на то. Точно... Без номера...
 - Ростов, продолжай наблюдение. Сейчас к ним на повороте «Нива» присоединится...
- Кречет, выдвигайся на место.
- Я Ростов. Понял... И «Ниву» уже вижу... Стоит, дожидается...
 - Понял тебя...
 - Я Кречет. Бегу...

Подполковник Разин, командир ОМОГ⁶, подтягивает поплотнее свои привычные велосипедные перчатки, оставляющие пальцы свободными, и кивает приданной в распоряжение группы команде МВД, переодетой в гражданскую одежду:

- Вам пора... Поехали... Абу Бакар⁷ вас ждать не будет...

Эти менты – четыре человека – служат в Ставропольском крае, все представляют кавказские народы. Их специально подбирали как самых невыразительных внешне – наименее похожих на людей, готовых к серьезному поступку, но хитрых и сообразительных, с актерскими способностями. И не имеющих родственных отношений в Чечне. Практика показывает, что родственные отношения всегда чреваты утечкой информации...

Разин осматривает ментов. Внешний вид соответствующий... Оружия с собой не берут, потому что опытный взгляд всегда сможет определить под гражданской одеждой кобуру, но под куртками бронежилеты скрытого ношения все же остались. Легкие, кевларовые. От пули они защитят, хотя не спасут от перелома ребра, если стрельба все же окажется неизбежной. В «рукопашке», к сожалению, менты не сильны. Разин лично проверял всех четверых одновременно. При полной жесткости контакта, превышающей обычный учебный уровень тренировочных боев для ментов. Такой уровень жесткости при обучении используется только в спецназе ГРУ. Подполковник наглядно продемонстрировал разницу. Уложил их за несколько секунд, встретив только один блок и две попытки удара в свою сторону. За оставшиеся дни натаскать парней на «рукопашку» невозможно, хотя некоторые отдельные удары офицеры группы им сумели «поставить».

- Я Волга! Спартак, Сокол, как слышите?

– Я Спартак, – отзывается первый штатный снайпер группы старший лейтенант Парамонов. – Сiju, смотрю... Следы замел ветками, как лиса хвостом. Женщин нет...

Относительно женщин – это обычная присказка старлея Парамоши. Не сказать, что он по натуре бабник, просто женщины сами на него бросаются, отсюда и репутация, и соответствующая ей присказка...

– Я Сокол. На позиции. Готов, – докладывает второй снайпер лейтенант Сокольников. Он всегда немногословен и деловит.

- Я Волга... Всем остальным! Готовность номер два...

Подполковник осматривается, потягивается, разминая плечи, и идет к дому с проломленной крышей, на ходу отстегивая клапан футляра бинокля. Он сам в этот раз будет только координировать действия со стороны.

⁶ ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа.

⁷ По официальному списку, за годы конфликта в Чечне убито несколько египтян и турок с этим именем. Данный полевой командир – вымышленное лицо, хотя эпизод работы спецназа ГРУ в романе использован действительный.

Половина большого села, где проводится операция, полностью нежилая. Четыре года назад здесь шли ожесточенные бои с применением артиллерии и вертолетов-ракетоносцев. Понятно, во что превратились дома – если и остался хоть один целый, то его никто из группы Разина не видел... Жители теперь предпочитают зимовать в палатках где-то в Ингушетии. Зато вторая половина вполне жилая. Боевики не успели туда передислоцироваться раньше, чем в улицы вошли части внутренних войск. Именно туда, к одному из местных жителей, одноногому инвалиду еще первой чеченской кампании Али Бакирову, раз в неделю приезжает полевой командир Абу Бакар. Странная дружба... Причем приезжает в сопровождении дополнительной охраны, которую почему-то оставляет в разрушенной части села. Более того, эта непонятная охрана примыкает к нему только на самом подъезде к селу и расстается там же. Это все данные разведки, которую ОМОГ Разина проводила двумя неделями раньше, после донесения осведомителя из местных жителей. Данные этой разведки и смогли дать заключение о возможности захвата Абу Бакара и выяснения необходимости его еженедельных поездок в село. Сначала искали связь в созвучии имен и фамилий египетского наемника и чеченского сельского жителя – Абу Бакар и Али Бакиров. Это долго сбивало с толку, запросили ФСБ на предмет родственных отношений, наводили справки в Интерполе и потеряли много времени. Проверка ничего не дала, только выяснилось, что несколько лет назад Али Бакиров зачем-то уезжал в Азербайджан, хотя родственников там не имеет. Следов его пребывания в Азербайджане найти не удалось, но есть подозрения, что из Азербайджана он зачем-то на пару дней вылетал в Узбекистан. По крайней мере, человек с таким именем и фамилией вылетал. Но непонятно, был ли это искомый инвалид или его однофамилец и тезка...

Потом появилась версия о кустарном изготовлении Бакировым взрывчатых веществ. И это вроде бы не подтвердилось, потому что подобные работы требуют не только навыков, но и знаний, которыми Али не наградили за восемь лет обучения в школе.

Самого Али Бакирова проверяли дополнительно по всем возможным каналам. Только ради этого ОМОН провел в селе внеочередную зачистку на следующий день после плановой. Ничего подозрительного у инвалида не нашли, точно так же, как в первый день.

А полевой командир Абу Бакар продолжал регулярно навещать село. Здесь еще одна версия показалась возможной. Вместе с Али в доме живет двенадцатилетняя сестра. Не к ней ли ездит египтянин? Но односельчане-осведомители, с кем спецназовцы решились поговорить, в один голос утверждали, что Али застрелил бы Абу, если бы тот только глаз на его сестру положил.

Загадка. И загадку предстоит решить. Впрочем, решать ее следует попутно с основной задачей – захватом самого полевого командира. И захватить его необходимо живьем, потому что Абу Бакар имеет разветвленную сеть террористической агентуры и в самой Чечне, и в России. И лучше, чем он сам, никто не может рассказать о планах террористов.

* * *

Поднявшись на чердак, под наполовину проломленную крышу, по кирпичам разваленной стены, подполковник Разин еще раз осматривается, нет ли случайно поблизости местных жителей, и только после этого выбирает себе место для наилучшего обзора. Место находится. Артиллерийский снаряд словно специально сделал амбразуру для наблюдателя. Стоит только чуть-чуть подправить ее ударом ноги. Вот так!.. Качается... Теперь повторно... Еще раз вполсили... Вылетают сразу несколько кирпичей, и обзор становится полным. Подполковник снова оглядывается, не привлек ли постороннего внимания звук ударов и падающих кирпичей, и только после этого пододвигает к амбразуре какие-то доски, и устраивается удобнее, вытаскивает из футляра бинокль...

Отсюда видно все прекрасно. Солнце только взошло и светит прямо в глаза красной «девятке», которая вот-вот появится в поле зрения. Наверное, у водителя и у пассажиров этой машины должно быть хорошее настроение. По погоде...

Разин поднимает к глазам бинокль и смотрит на дорогу. Ему солнце в затылок светит, и потому окуляры бинокля не предадут, не сверкнут под солнечными лучами. Следовательно, у подполковника тоже неплохое настроение. Все идет так, как должно идти. Все просчитано так, чтобы не вышло ошибки. Дистанции переезда проверены до метра. Точность очень важна. Оттренирована и отточена скорость передвижения. Отрепетирована каждая фраза... Более того, рассчитан даже эффект недоумения, переходящий в эффект потери момента начала действия. Недоумение всегда вызывает замешательство, и это работает на руку спецназовцам. Уж что-что, а психологию поведения человека в экстремальных обстоятельствах они хорошо изучили на себе и знают, что недоумение обязательно вызывает разрядку в боевой готовности. Это именно то, что необходимо, чтобы избежать ненужных жертв и иметь возможность захватить Абу Бакара живым. А сам он неоднократно заявлял, что никогда не дастся в руки федералов живым.

Боятся... Знает, что пожизненное заключение ему обеспечено... Такие, как Абу, смерти не боятся. Это у них в крови. Но пожизненное заключение гораздо хуже смерти. Они прекрасно знают, что контроль за теми, кто осужден на пожизненное заключение, не дает даже возможности самоубийства. Но они все равно умирают быстро. Они изнутри сгнивают. Действенная натура воина не терпит узкого пространства между тремя стенами и решеткой, не терпит, когда его не уважают конвоиры, не терпит постоянного унижения... И они умирают смертью побитой собаки, потому что пинок тюремного контролера под свой боевой зад при невозможности ответа они воспринимают как удар ножом в сердце...

* * *

Появляется машина... Солнце отражается в слегка тонированном лобовом стекле. Не позволяет рассмотреть, что и кто там в салоне. Следом за «девяткой» идет белая «Нива» с металлическим листом вместо стекла на дверце пассажира – броневик, можно сказать... Кто-то прячется за металлическим листом, словно в него нельзя выстрелить сквозь лобовое стекло... Глупо, но этого «кого-то» такая малая защита устраивает. Дело хозяйское...

Все как обычно... И это хорошо. Абу Бакар не чувствует, похоже, ловушки.

– Я Волга. Всем! Приближаются к перекрестку. Не высовываться...

Подтверждения звучат в эфире одно за другим. Да эти подтверждения и не нужны. Все давно обсуждено и просчитано. Главное сейчас, чтобы никто раньше времени не высунулся, не показал себя. Но в группе нет новичков. Все давно проверены и обстреляны. Терпением могут с Абу Бакаром поделиться. Беспокойство вызывают только менты. На них завязана вся операция...

Метров двадцать не доезжая перекрестка, машины останавливаются. И «девятка», и «Нива». Так всегда бывает. Из «девятки» выходит телохранитель командира, шевелит плечами, разминая их, как только что делал подполковник Разин, кладет ствол ручного пулемета на плечо и идет к «Ниве». Открывается дверца водителя. Обмен несколькими словами – как ритуал.

– Я Волга. Запускайте Гази...

Телохранитель осматривает окрестности и возвращается к «девятке». В это время из-за угла дома выходит человек в драной гражданской одежде, слегка приволакивает ногу, активно демонстрируя хромоту. Разин боится, что делается это чрезмерно. Слишком человек усердствует. Рядом с ним тяжело вышагивает мощная кавказская овчарка – на боку на шерсть наклеплены сухие прошлогодние репы. Это милиционер Гази со своим псом... Пред-

варительно потребовалось еще и милиционера искать, имеющего пса, неотличимого от псов, живущих в местных селах... А потом перевозить собаку в вертолете... Появление человека – по внешнему виду местного жителя, да еще идущего по улице с собакой, – моментально поднимает напряжение, но тут же и сбрасывает его. Достаточно наглядно показывает, что развалины домов начинают заселяться. Это как бы намек на то, что произойдет потом...

Телохранитель останавливается около «девятки». Пулемет уже не на плече. Ствол провозжает Гази... Собака и милиционер обращают внимание на машины – как же не обратить... Гази прикладывает руку к глазам, чтобы лучше рассмотреть, и тут же ускоряет шаг, как сделал бы на его месте каждый мирный житель, а собака дважды коротко и басовито лает, но, услышав команду, спешит за хозяином. Они довольно быстро скрываются за углом.

В «девятке» открывается задняя дверца. Кто-то задает телохранителю вопрос. Тот плечами пожимает, отвечает что-то. Сам в недоумении. Но село большое, всех местных жителей боевики не знают. Особенно тех, что жили здесь раньше и имеют право вернуться. И уже возвращаются время от времени.

После короткой паузы, все еще поглядывая на угол ближайшего дома, телохранитель садится в машину. Едут дальше, а «Нива» так и замирает перед перекрестком.

Подполковник прячется. По идее, он не должен быть замечен, но знает, что такое случилось. Осенью был инцидент, когда прекрасно замаскированный в стогу сена спецназовец пропускал идущих мимо боевиков. И только на мгновение открыл глаза, как встретился взглядом с вооруженным человеком. Пришлось тогда раньше времени открывать стрельбу и скомкать хорошо продуманную операцию. В результате два бойца получили ранения... Нет... Лучше уж спрятаться до поры... Тем более ждать недолго... Обычно Абу Бакар не задерживается у Али Бакирова больше десяти-пятнадцати минут.

«Девятка» проезжает, и только ей вслед подполковник посмотреть может без опасения.

* * *

– Я Волга. Внимание всем! Готовность номер один... Передать сигнал к перекрытию!

Теперь начинается самое главное. Абу Бакара запустили в село... С другой стороны деревни пути отхода ему закроют омовцы, покидающие укрытия по команде Разина. Но они тоже не входят в село открыто. Они пока не должны спугнуть полевого командира. Просто перекроют въезд и выезд. С этой стороны не даст египтянину уйти спецназ ГРУ. Мышеловка готова захлопнуться... Но захлопнуться она должна так, чтобы египтянин не имел времени осознать ситуацию. Его следует обязательно взять живым. Обязательно...

Подполковник Разин, повернувшись с биноклем в сторону жилой части села, напряженно ожидает появления из-за угла красной «девятки». Подкручивать окуляры не надо – бинокль давно настроен под глаза подполковника, тем не менее он подкручивает, сбивает резкость и восстанавливает, пытается добиться наибольшей четкости. Это нервное. Ожидание всегда бывает нервным. Зато потом, в момент, когда действуешь сам, приходит хладнокровие. Сегодня оно не придет, потому что Разину выпала должность координатора общих действий. Значит, нервничать будет до тех пор, пока все не завершится. Главное – не упустить момент. Все рассчитано до секунд...

Вот он – момент... Красная «девятка» возвращается!

– Я Волга. «Нива» – вперед...

Он еще не видит свою «Ниву», за рулем которой сидит милиционер в гражданском, но уже слышит звук двигателя на соседней боковой улице. Еще несколько секунд... Зеленая «Нива» выворачивает из-за угла и направляется навстречу «Ниве» с бандитами, что дожидается Абу Бакара рядом с перекрестком. Красная «девятка» едет в двадцати метрах позади зеленой «Нивы»...

Пока график выдерживается секунда в секунду... Небывалое оживление в необитаемой части села может показаться подозрительным. Именно для того и пустили Гази с кавказской овчаркой – давали привыкнуть к мысли, что жизнь здесь меняется.

Разин смотрит за секундной стрелкой часов. Некоторое время выжидает.

– Я Волга. «Запорожец» – вперед...

Теперь где-то там, тоже невидимый для Разина, набирает скорость «Запорожец» с двумя милиционерами. Эти тоже в гражданском. Старенькая, побитая во многих местах машина движется наперерез «Ниве» и «девятке».

– Я Волга. Всем! Внимание! Действие по плану, корректировка по обстановке...

Подполковник снова меняет позицию, чтобы не попасть под случайный взгляд. Видит, как мимо него проезжает зеленая «Нива», а следом за ней, теперь уже на дистанции метров в тридцать, красная «девятка». Значит, Абу Бакар в сомнении. Он не останавливается, продолжает движение в том же направлении, но, из осторожности, приказывает притормозить, ждет, когда зеленая «Нива» минует белую «Ниву». Это естественная мера, но все просчитано, предусмотрено планом.

– Я Волга. Всем «червям» пора выползть...

Четыре угловых дома на перекрестке. Огорожены заборами. Один забор проломлен снарядом. Но пролом высоко. Он привлекает внимание, и на него обязательно будут смотреть. Поэтому спецназовцы не поленились. Под заборами не ставят глубоких фундаментов. Прокопали лазы – чтобы легко было проползти и занять позицию в заснеженных кустах прямо рядом с дорогой. Трудно долбили. Всю нынешнюю ночь потратили. Еле уложились. Земля мерзлая. Да еще долбили канаву, в которой можно спрятаться, чтобы в нужный момент, только перепрыгнув кусты, оказаться рядом с машинами. Канаву накрывали со стороны дороги сеткой, сетку присыпали снегом, принесенным из ближних огородов. Много было сделано. И сделано качественно.

Зеленая «Нива» все ближе и ближе к перекрестку. Сбоку приближается «Запорожец». Только птице, парящей высоко в воздухе, и видно, что происходит. И спецназовцы об этом знают, хотя они и не птицы. Хотя на эмблеме у них только летучая мышь...

Началось...

«Нива» въезжает на перекресток. Одновременно туда же вылетает и «Запорожец», таранит «Ниву» в район багажника, чуть позади заднего колеса, как и положено таранить⁸, и почти полностью разворачивает. Сам проезжает чуть дальше, перекрывая дорогу. Филигранно сделано! Молодцы менты! Бьют друг друга, как снайперы...

Обе машины останавливаются на перекрестке. Объехать их можно только через соседнюю улицу, но там лежит поперек дороги жестоко срубленное снарядом дерево, к тому же сама улица засыпана снегом – никто рядом не живет, никто улицу не чистит, – только узкая тропинка тянется через сугробы, но и та почти засыпана снегом. Из зеленой «Нивы» выскакивает взбешенный человек. Из «Запорожца» – еще двое. Кричат друг на друга. Ругаются, размахивают руками, показывают что-то, тыча один другого пальцами в грудь и в металл кузова машины...

Разин наблюдает все это в бинокль, хотя расстояние такое, что ему даже крики хорошо слышны и без бинокля все прекрасно видно.

Красная «девятка» совсем сбрасывает скорость и останавливается в пяти метрах от места аварии. Сначала реакции не последовало. Выжидают, осматриваются, осторожни-

⁸ Прием тарана с разворотом машины разработан давно и опробован всеми спецслужбами мира. Чтобы таран, производимый более легкой машиной, был успешным и не повредил саму идущую на таран машину, удар должен приходиться в точку, расположенную на тридцать-сорок сантиметров позади заднего колеса. Точно таким способом таранится и разворачивается обгоняющая и пытающаяся перекрыть движение машина, только при обгоне необходимо строго соблюдать определенную скорость.

чают. Потом выходит телохранитель. Поводит ручным пулеметом вправо и влево. Ничего подозрительного не видит. Только после этого выходит водитель. Вдвоем идут к перегорожившим проезд машинам. Что-то говорят с насмешкой. Их никто не слушает. Водитель с охранником удивленно переглядываются. Открываются обе дверцы в белой «Ниве». Оттуда еще трое направляются к перекрестку. Слушают, тоже переглядываются удивленно.

– Я Волга! Работать...

Разин знает, в чем заминка, – боевики не могут понять, на каком языке разговаривают участники аварии. Не сомневаются, что это какой-то кавказский язык, потому что улавливают отдельные слова. Это тоже было тонко рассчитано. Разговор участников аварии вызывает у боевиков замешательство. Милиционеры подбирались специально. Водитель зеленой «Нивы» говорит на лакском, двое из «Запорожца» на осетинском.

В красной «девятке» распахиваются задние дверцы. Абу Бакар решает ускорить процесс выяснения отношений и выходит вместе со вторым телохранителем. Медленно идут к перекрестку. Телохранитель стреляет взглядом по сторонам и нервно перебирает пальцами цевье автомата. В руках Абу Бакара костяные четки – вместо обычных шариков на нити миниатюрные, искусно вырезанные человеческие черепа. На плече небольшая спортивная сумка. Странно, почему он не оставил сумку в машине?.. Что в ней?..

Абу Бакар на месте...

Теперь – пора...

– Я Волга! Огонь...

Выстрелы «винторезов» звучат так буднично, что Разину их не слышно за руганью участников аварии. Сразу падают оба телохранителя, вслед за ними два человека из белой «Нивы». Из канавы выскакивают спецназовцы. Сам Абу Бакар только еще пытается вытащить пистолет, когда получает такой удар ногой в пах, что зажимается и со стоном садится. Не церемонятся и с остальными. На всякий случай «разносят» резину обоих колес белой «Нивы» – неизвестно, остался ли кто в машине. Но теперь уже не уедет... Два бойца подскакивают к «Ниве» сбоку. В красной «девятке» распахнуты все дверцы. Видно, что там никого нет.

– Я Волга! Приказ ОМОНу. Приступайте к «зачистке»... Начинайте прямо с дома одного Али Бакирова...

* * *

Одноногий Али Бакиров испуган гораздо больше, чем Абу Бакар, тоже приведенный в его дом. Египтянин уже слегка ожил после унижительного удара и, хотя ноги старается держать «циркулем», все же держится с достоинством и даже руки в наручниках несет перед собой так, словно это его любимая поза. И в глазах величавое спокойствие.

Разин ставит на стол сумку Абу Бакара, внимательно контролируя глазами реакцию, и видит, как бледнеет одноногий инвалид. Костыль из-под его руки готов вывалиться. Значит, все правильно. Что-то в сумке есть... Разин вываливает содержимое на стол. А содержимого совсем немного. Только целлофановый пакетик весом граммов в сто пятьдесят...

– Что это? – спрашивает подполковник, подбрасывая пакетик на руке.

У Али Бакирова начинает подрагивать нижняя челюсть. Напуган... Видит это и сам египтянин. И потому отвечает с легкой насмешкой, произнося русские слова с забавным акцентом, словно с каким-то удивлением вопрос задает:

– Не видишь, да?.. Героин... Очень хороший героин... Очень чистый...

– Откуда он?

– Друзья передали... Случайно попался им, и передали мне. Ты, говорят, наверное, лучше распорядишься... Ты это любишь... Да?..

Разин прогуливается по не слишком опрятной комнате. Выглядывает в окно, смотрит, как омоновец пинками отгоняет маленькую собачку одноногого. Но та злая, неуступчивая, верткая. Не позволяет омоновцу даже отвернуться. Другие омоновцы смеются над ситуацией. Но в собачку не стреляют. Понимают, что такая мелкая животино даже укусить не может, только надоедает...

– Сам потребляешь или отправляешь дальше? – вопрос полковому командиру.

– Зачем дальше? Да?.. Самому, видишь, мало...

Разин развязывает пакет, заглядывает в него:

– Прямо так вот, все на себя и тратишь?

– Хочешь, с тобой поделюсь...

– Не потребляю...

– А ты попробуй... Маленькая доза... На кончике ножа... Хорошо усталость снимает...

Подполковник вытаскивает нож, подцепляет на его кончик немного белого порошка и подносит к лицу... Рассматривает в раздумье... Бросает взгляд на испуганного инвалида, на полевого командира... Те заинтересованно ждут превращения командира группы спецназа в наркомана...

Но ближе к лицу рука не поднимается.

– Не хочешь сам – дай мне... Как у вас, у русских... С горя... – вспоминая русские народные привычки, говорит Абу Бакар. – Водку мне Аллах пить запрещает, так дай хоть порошок...

Открывается дверь, входит майор Паутов.

– Что? – спрашивает Разин.

– Допрашивали... Пора ехать...

Разин поднимает брови, спрашивая взглядом – куда ехать?

Паутов моргает глазами. Понятно, что сообщение не для всех предназначено.

– Дай... Дай хоть с ножа лизнуть...

Абу Бакар настаивает, почти умоляет, глаза его лихорадочно и почти истерично горят...

«Не терпится...» – понимает Разин.

3

В это время в другие районы Чечни, в горную часть республики, предвесенняя сырость еще не забралась. Здесь по ночам морозы основательнее, а при ветре это чувствуется особо. Тем не менее отдельная мобильная группа полковника Согрина, состоящая всего-то из трех человек – самого полковника и двух майоров, Сохно и Афанасьева, по прозвищу Кордебалет, – трое суток проводит на свежем воздухе. Спецназовцы отслеживают небольшую банду из двенадцати человек, прячущуюся в каменной пещере на каком-то склоне, но постоянно совершающую рейды в сторону горного селения. Регулярные рейды... Именно из-за этой регулярности и появилась возможность основательного слежения. Каждый день трое членов банды обязательно уходят около обеда и возвращаются в то же время на следующий день. И тут же уходит другая троица. Словно сменяют друг друга на посту. Такое челночное продвижение однажды заинтересовало постороннего наблюдателя, который оказался осведомителем районной милиции. Данные были переданы для оперативной разработки в штаб северокавказской группировки, потому что менты не в состоянии собственными силами произвести анализ странных действий боевиков. Нет у них для этого подготовленных специалистов.

В штабе группировки тоже не сразу бросили силы на уничтожение бандитов. Подобные времена канули в прошлое. Научились присматриваться, чтобы выполнить дело качественнее и, по возможности, локальную операцию развернуть в операцию масштабную, широкую, с охватом всех связей. Там тоже показалось несколько странным такое регулярное

передвижение. Передали дело для проработки в спецназ ГРУ. Разведчики опять же проявили осторожность. Первоначально стали наводить справки... И выяснилось, к общему удивлению, что эту банду и бандой назвать трудно, потому что эти странные необщительные люди, появившись в горных местах в начале осени, ни разу не участвовали в какой-либо боевой операции, хотя ходят вооруженными и носят камуфлированные костюмы. Через селение как-то раз прошел большой отряд настоящих боевиков, матерых волков – уходил на зимовку подальше от обжитых мест и дорог. Вел с собой двенадцать пленников, которых, по мнению осведомителя, собирался обменять в Грузии. Все пленники – молодые ребята. С ними поговорить осведомителю не удалось – в селении отряд задержался ненадолго. Он углублялся в горы и не встретиться с первым отрядом никак не мог, потому что пользовался общей тропой. Должно быть, и встретился. Боевики приняли их за своих. Разошлись миром, хотя не все свои всегда миром расходятся.

Сведения слишком странные, чтобы на них не обратить внимание. Группе Согрина поставили задачу провести разведку минимальными силами и, если есть к тому основание, вызвать подкрепление для проведения войсковой операции.

Пошла обычная для разведчиков работа...

* * *

– У меня нос мерзнет, когда на них смотрю... – с мрачной улыбкой ворчит майор Сохно, наблюдая, как три боевика возвращаются в горы, к своей пещере. Идут цепочкой. У каждого на груди автомат, за плечами рюкзак. Маски «ночь» на лицах, словно боятся, что их сфотографируют. Но маски – это разведчикам понятно, хорошо защищают от встречного ветра, который стремится обжечь кожу не хуже твоего кипятка...

– Это у тебя оттого, что ты из-под снега свой нос слишком далеко высовываешь?.. – смеется Кордебалет. – Смотри, отморозишь самый кончик, он у тебя как светофор станет... Тогда уж сразу обнаружат... Придется тебя на пенсию списывать... А комиссия, сам знаешь, начнет придирается, не поверит в слова, посчитает красный нос последствием излишнего увлечения... Потрепят тебе нервы и без пенсии оставят...

– Нам пока на мороз грех жаловаться... – говорит Согрин вполне серьезно и довольно.

За эти дни, проведенные в горах, они, в самом деле, во множестве строят себе самые теплые убежища, из тех, что можно наспех построить в таких условиях. Пользуются возможностью – нынешняя зима на Кавказе выдалась снежная, склоны местами покрыты толстым настом, а в любой расщелине очень легко вырыть в снегу пещерку, защищающую от ветра и ночного мороза. Таких пещерок вырыто уже несколько. Все по ходу передвижения троек боевиков. Согрин решил отследить весь их путь частями. Куда ходят и зачем? Почему ровно на сутки? Первоначальное предположение, что боевики навещают селение, не подтвердилось. Группа потеряла день, поджидая их там, и не дождалась. Но отправляются именно в этом направлении. Значит, где-то сворачивают в сторону. И делают это где-то неподалеку от селения, иначе их не увидел бы местный житель-осведомитель. Координаты самого осведомителя менты, как случается часто, не дали. Не захотели «светить» того контактами с федералами. Понимают, что это может осведомителю дорого обойтись. Односельчане не любят русских, а боевиков всех мастей традиционно поддерживают. Горные районы населены не мирными чеченцами, а воинственными ичкерийцами⁹.

⁹ Традиционно жители долинных районов Чечни называются чеченцами, а жители горных районов – ичкерийцами. Ичкерийцы более бедные и исторически жили больше разбоем, чем мирным промыслом. Потому воинственность у них в крови.

– Вам не кажется, что вид у них усталый? – спрашивает полковник, не отрываясь от бинокля.

Майоры поднимают свои бинокли. Смотрят долго.

– Ты хочешь сказать, что они ходят каким-то маршрутом целые сутки?

– Я не хочу этого сказать... – отвечает Согрин. – Я говорю только то, что они не на отдых ходили... Ночь наверняка не спали... Зевают все трое, сколько их наблюдаю... Видно, как маски натягиваются... Это может быть только от зевоты...

Тропа извивается между уступами и большими камнями-валунами, похожими на скалы. Тройка боевиков скрывается за поворотом.

– На склон... – командует полковник. – Против вчерашнего на два километра вперед... Пожалуй, сегодня этого должно хватить...

Их передвижение стремительно. И скрытно. Разведчикам следует идти такими местами, где трудно увидеть со стороны тропы оставленные следы. А это возможно только на более высоком склоне, где ветер сдувает снег с камней. Поднимаются туда среди кустарника. Среди кустарника снег, конечно, лежит – застрял, но тоже не заметишь его издали. А дальше – камни. По ним – короткий и стремительный марш-бросок на опережение группы, которая вскоре выйдет на смену первой. И занять место впереди предыдущего, подготовить его для наблюдения. То есть найти расщелину, засыпанную снегом, и вырыть там пещерку.

И все так, чтобы не попасть на глаза случайному постороннему человеку. Казалось бы, откуда взяться в этих необжитых горах постороннему человеку, что ему здесь делать. Но ведь точно так думали и боевики. Однако попали на глаза ментовскому осведомителю... И потому спецназовцы сами внимательно следят за окрестностями, чтобы не попасть на глаза осведомителю боевиков. Если кто-то случайный покажется, они обязаны обнаружить его раньше, чем он обнаружит их.

* * *

– Плынут мои кораблики... – усмехается майор Сохно. – Где их пристань? Пристань где? Доложить попрошу...

Боевики идут раскачиваясь, словно у всех походка одинаковая. Ветер дует им в спину, раздувает одежду, вытягивает вперед капюшоны, как бушпритные паруса, в подступающих сумерках делая самих боевиков похожими на призраки экзотических кораблей.

Сменная группа даже не доходит до нового места наблюдения, как отмечают разведчики, рассматривающие боевиков издали, с противоположного склона.

– Где-то, похоже, рядом... – полковник Согрин отвечает на вопрос Сохно.

Так и должно уже быть, потому что до селения осталось только три километра тропы. Каменный язык извиваясь спускается по склону. Прямо с тропы боевики перебираются на этот язык и уже по камням забираются вверх.

И вдруг пропадают из поля зрения... Не сворачивают в сторону, а просто пропадают... Причем замыкающий еще успевает оглядеть окрестности, потом шагает за камень и из-за него не выходит.

– Пещера... – говорит Сохно.

Полковник разворачивает карту, насколько можно ее развернуть в тесноте маленького убежища, и наносит на нее значок.

Они выжидают еще час. На всякий случай. Наблюдают по одному. Двое в это время отдыхают. Наконец Согрин смотрит на часы:

– Пора...

Теперь обратная дорога, тот же путь в противоположную сторону, только удлиненный на пару километров. До нужного места они добираются уже в темноте и торопливо, хотя с

ответственностью и качеством, вырывают новое убежище. Здесь отдых до середины следующего дня. Один опять – на случай – дежурит, двое спят. Смена через два часа.

– Продуктов осталось на двое суток, – констатирует Кордебалет.

– Как раз успеем...

* * *

Примерное время приближения очередной тройцы боевиков спецназовцы знают. И потому встречают их с биноклями в руках. Все происходит точно так же, как накануне, исключая маленькую особенность. Теперь в поле зрения попадают не шестеро, а сразу девять по-походному одетых боевиков. Возвращающуюся тройцу встречают две тройки, которые тащат двое саней с грузом. Это уже что-то новое.

– Интересно... – сам себе говорит Сохно.

Сани самодельные, больше похожи на волокуши, с той только разницей, что имеют хоть низкие, но полозья, сделанные из толстых гнутых веток. Несомненно, среди этой шестерки командир. Видно, как держится он с другими и как другие держатся с ним.

– Разделились пополам... Сам бог велит наказать их за неосторожность. Куда идут шестеро – мы знаем... Куда пойдут трое – узнаем... – прикидывает Сохно.

– Шестеро с двумя саями... – осторожничают Кордебалет. – Это нонсенс... Они могут пойти в другую сторону... И мы их потеряем... Если следить за ними, потеряем возвращающихся... Времени у нас в обрез. Питание на два дня плюс три дня без питания... Больше при такой погоде не протянуть. А если они за это время не вернутся?

– Пятьдесят на пятьдесят... – полковник все еще сомневается. Но он привык обсуждать в своей маленькой группе все вопросы сообща.

– Пятьдесят на пятьдесят? Едва ли... – не соглашается Сохно. – График они не нарушали. Почему должны нарушать его сейчас? Трое обязательно должны пойти в первую пещеру. Допускаю, что трое могут пойти в сторону. Но тогда у них были бы только одни сани. Для троих тащить двое саней по такой тропе сложно. Скорее... Восемьдесят на двадцать. И даже в этом случае стоит рискнуть...

– Стоит, – теперь уже решительно соглашается Согрин. – Эти обязательно вернуться... В любом случае первую пещеру мы знаем, сегодня обязательно должны узнать вторую...

– И нет смысла вызывать подкрепление... – уточняет Сохно. – Они разделились...

Кордебалет плечами пожимает. Он не решил окончательно. Но и решает здесь не он. Поэтому возражение принимается командиром за согласие.

Боевики расстаются. Шестеро продолжают тащить сани. Трое усталой походкой, раскачиваясь, как накануне вечером, бредут дальше. Спецназовцы пропускают их мимо себя и выбирают из своей пещерки. Камуфлированные костюмы боевиков на чистом снегу видны хорошо. Разведчики – в белых масках. Их заметить труднее. Потому они и покидают убежище так смело, но на противоположный склон пока переходить не спешат. Ведут преследование издалека. Передвигаются, стараясь перебежать от камня к камню, но не забывают и по сторонам посматривать. И держат дистанцию строго. Чтобы и самим не высунуться, и бандитов не потерять. Такое преследование всегда утомительно. Благо идти приходится недалеко...

– Часовой... – говорит Сохно и падает лицом в снег.

Еще не видя часового бандитов, полковник с майором повторяют действия ведущего. Без движений лежат около минуты.

– Не видит... – сообщает наконец Сохно. – Дальше собственного носа не видит...

Только тогда поднимаются головы и бинокли подносятся к глазам.

Часовой встречает прибывших рядом с большим камнем. Подпрыгивает, перебирает ногами – замерз. Значит, стоит давно, скоро его должны менять. Еще достаточно светло, чтобы рассмотреть даже в бинокль – площадка перед камнем основательно утоптана. Значит, здесь постоянный пост. И пещера, следовательно, где-то рядом.

Так и вышло. Обменявшись с часовым коротким разговором, троица сворачивает за камень и исчезает из глаз разведчиков. Значит, вход близко. Это оплошность. Часового следует выставлять дальше от пещеры. Но у боевиков нет настоящей школы. Они учатся на опыте, если выживают. Сейчас спецназовцы как раз готовы преподнести им урок.

– Шурик... «Винторез»... – коротко командует Согрин.

Кордебалет снимает с плеча винтовку, чехол с оптического прицела и готовится, занимает удобную позицию за камнем.

– Скоро смена часового. По выстрелу на каждого... Мы – вперед... Включи «подснежник»...

Шурик включает коротковолновую рацию, подправляет микрофон и прикладывается глазом к окуляру оптического прицела. Дистанция метров в сто пятьдесят. Это не великая проблема для стрельбы из «оптики» – снять двух близко стоящих боевиков. Кордебалет даже не кивает, он уже готов к выполнению. А полковник с Сохно пользуются тем, что часовой отвернулся, провожая взглядом товарищей, и быстро спускаются со склона.

– Туда... Туда...

– Здесь удобнее... Там камни посыплются...

– Не посыплются, они сырые, смерзлись...

Переговоры товарищей, доносящиеся из наушника, не мешают и не отвлекают. Если бы Кордебалет следил не за часовым и площадкой перед камнем, он увидел бы еще, как полковник с майором поднялись до тропинки, а потом начали забираться по камням выше. Но не удивился бы тому, как быстро они пропали из поля зрения, потому что сам умеет делать точно так же. А уж если они пропали из его поля зрения, то в поле зрения боевиков, успокоенных долгой безмятежной жизнью, они и не попадут. Перебираться скрытно разведчики умеют...

Только через полчаса, оторвавшись от прицела и рассматривая цель невооруженным глазом, Кордебалет замечает движение на пару десятков метров выше камня, возле которого по-прежнему подпрыгивает часовой – ноги греет. Шурик и сам уже слегка замерз, дожидаясь смены часовых, и мысленно торопит последних. Наконец из-за камня появляется коренастый боевик, напавший на себя, видимо, пару камуфлированных бушлатов. Не любит мороз, который крепчает по мере того, как солнце скрывается за склоном ближнего хребта. Прицел сначала выбирает нового. В старого Кордебалет даже не целится. Он просто нажимает на спусковой крючок, чуть переводит прицел в сторону и нажимает снова.

Только после этого рассматривает плоды своего труда. Оба боевика на площадке. Старый, которому пуля угодила в затылок, лежит лицом вниз, неестественно вывернув руки. Новому пуля вошла в горло, и он еще жив, тянется рукой к торчащему из сугроба автомату. Но ранение удачное – с таким не закричишь, не поднимешь тревогу. Третья пуля успокаивает его окончательно.

– Рапсодия. Я Прыгун. Двое часовых... Дело сделано... Путь свободен...

Кордебалет поднимается в полный рост и видит, как тоже в полный рост поднялись на склоне выше площадки Согрин и Сохно.

– Я Рапсодия. Прыгун, выходи на тропу.

Он свою задачу понимает сам и быстро спускается, а потом и поднимается к тропе. Ему идти прямо. Там, где обычно ходят боевики. И передвигаться как можно быстрее, с перебежками. Скоро хватятся невернувшегося часового, что-то заподозрят. Это, должно быть, и будет момент атаки. Надо подоспеть вовремя, чтобы использовать «винторез» с его способ-

ностью к бесшумной стрельбе. У Согрина «калаш», у Сохно привычные два «стечкина». А шум, возможно, пока поднимать не следует. Звук выстрела далеко разнесется по долине, а шестеро с санками не успели еще уйти далеко.

Но Согрин с Сохно спускаются раньше, чем успевает дойти Кордебалет. К его приходу они уже стоят возле устья пещеры, а в стороне валяется лицом вниз третий боевик. Большая лужа крови красноречиво говорит, что Сохно привычно рубанул тяжелым ножом в сонную артерию – он владеет этим скольльзящим ударом мастерски и снимает часового без звука. Теперь их осталось трое на трое.

– Остальные, думается, спать легли... Пообедать успели и завалились... – доносится в наушник шепот Сохно.

Согрин кивает и вытаскивает свой нож, чешет отросшую за несколько дней щетину на подбородке – словно остроту пробует. Кордебалет понимает, что требуется от него... Он снимает с плеч ранец с рацией, чтобы не мешал передвигаться предельно быстро, и тоже готовит нож...

ГЛАВА 2

1

Первый вопрос, который предстоит решить Доктору Смерть на месте самостоятельно, он начинает решать с самого утра, хотя с вечера еще дал задание своим волонтерам. А утром по телефону запросил все данные по погибшим за последние месяцы наркоманам, отработывая первую версию, возникшую в голове. Естественно, по наркоманам, погибшим не в дорожно-транспортных происшествиях, а в результате пагубного пристрастия. И только потом уже, дав время на подготовку материалов, сам выехал знакомиться с данными.

Доктора уже ждут.

– За какой срок? – просит его уточнить майор из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков областного МВД, сонно отводя в сторону ленивый взгляд.

– Давайте сразу за полгода. Меня интересуют случаи одновременной гибели нескольких человек. Остальное, пожалуй, можно пока не трогать.

– Позавчерашний случай вы знаете?

– Конечно. Именно потому и интересуюсь...

Майор вздыхает, лезет в сейф и вытаскивает папку. Но пока не раскрывает. Он вообще очень медлительный, толстый и вздыхает часто. Должно быть, надеется, что его пожалеют и не заставят работать больше, чем он сам хочет. А сам он не хочет работать вообще. Это Доктор знает, потому что не в первый раз встречается с этим майором.

– Вот сегодня, кстати, двое...

– Стандарт?

Майор закатывает круглые глаза, непонятно что этим изображая.

– Да... Передозировка...

– Ригина нет?

Теперь глазные яблоки совершают какой-то странный оборот. И тоже непонятно, по какому поводу. Может быть, что-то подчеркивая, может быть, сами по себе гуляют.

– Я специально запросил полчаса назад. Сказали – нет... Обычное... Как вы говорите, стандарт...

У Доктора по этому поводу есть собственные подозрения, и он желает все выяснить до конца.

– Экспертиза всегда производит вскрытие? Положа руку на сердце... Как считаете?

Новое вращение глаз совершается в разные стороны. Как майору такое удастся – остается только удивляться... У Доктора появляется предположение, что или он сам наглотался наркоты и потому видит что-то несусветное, или наркоты наглотался мент и что-то несусветное изображает.

– Теперь – всегда... Строгое указание...

– Понятно... Значит, сегодня – всегда... А раньше?

Доктор, чтобы не сбиваться с мысли, прекращает наблюдение за странными вращениями глазных яблок.

– Раньше... Говорили, что производят. На самом же деле... Я сомневаюсь. Наркоман и есть наркоман. Кто на этих гнилых придурков внимание обращает. Диагноз один и тот же. Автоматом, думаю, ставили. Вы же сами, кажется, бывший врач. Знаете эту систему. Начальство тоже что-то знает. Иначе просто не было бы необходимости давать указание. Вчера начальство разослало циркулярно категоричную бумагу.

Майор опять вздыхает, с видимым трудом разворачивает неуклюжее тело и вытаскивает из сейфа еще одну бумажку.

– Вот, и нам прислали копию, чтобы в курсе держать...

Само наличие такого документа подтверждает подозрения Доктора. Вскрытия погибших наркоманов не проводилось. Ставился стандартный диагноз: «передозировка наркотиков»...

– Сегодняшний случай – совместный?

– Нет. Даже в разных районах...

– А раньше? Совместные были? В одной компании.

– Три месяца назад... – майор наконец-то раскрывает свою папку и отыскивает нужную страницу сводки. – Сразу четыре человека. Диагноз тот же. Но... Я думаю... Всякое могло быть. В этот раз тестирование на рицин проводилось только потому, что... Сами понимаете. Сотрудники райотдела погибли. Могло быть и раньше такое. Сейчас уже трудно проверить...

– А если просто для информации?.. Без протокола поговорить с экспертами...

– Бесполезно. Не сознаются... Зачем им на себя лишнее «вешать».

– Эксгумация?

– А даст ли она хоть что-то? Время прошло... Что от трупа осталось?..

– Рицин трудно выводится... Оставляет характерные следы... Процесс гниения – это процесс переработки одного вида белка в другой. Рицин этому мешает. Давайте попробуем... Может оказаться, что тела сохранились даже лучше похороненных на месяц позже...

Доктор видит, что майору просто не хочется возиться с таким хлопотным вопросом. Но одновременно знает, что тому уже дано категоричное указание руководства оказывать всяческое содействие сотруднику Интерпола, более того, майор даже знает, что для проверки инцидента сегодня в город прибывает заместитель министра внутренних дел и у многих могут полететь погоны. В райотделе-то уж точно полетят, а может быть, и у кого-то повыше... И подставлять себя майор не рискует. И потому разворачивает папку так, чтобы документ оказался перед Доктором.

– Я позвоню прокурору. Нужна санкция. Придется делать. Вот акт экспертизы. Можете взять все данные. Сделать ксерокопию?

– Если вам не трудно.

Трудно майору подняться без вздоха со стула. Очень трудно. Он надеялся, что интерполовец откажется, если уж добился согласия на эксгумацию трупов. А теперь надо идти в канцелярию и снимать копию. Но он, зачем-то потоптавшись возле своего стола, идет, поленившись закрыть сейф даже при постороннем. Но скоро возвращается с копией.

Доктор кладет на стол свою визитную карточку с подписанным от руки номером сотового телефона.

– Я попрошу вас найти того эксперта, что подписал заключение. Потом позвоните мне. Я думаю, и вам, и вашему руководству будет лучше, если мы сделаем все сами до приезда заместителя министра, потому что он все равно заставит это сделать...

Доктор нашел слабое место. Подготовил удар и ударил. Майор быстро заморгал глазами и закивал:

– Конечно... Конечно... Как только назначу время, сразу позвоню вам...

* * *

Уже на выходе из областного управления, когда Доктор взялся рукой за большую дверную ручку, в его кармане зазвенел мобильник. Доктор глянул на табло определителя. Это один из его волонтеров – Юра Алферов, которого они когда-то выручали из смертельно

опасной переделки вместе с Дым Дымычем Сохатым¹⁰. Юра, бывший сержант ВДВ, ветеран Афгана – человек, вращающийся в полууголовных кругах. Имеет множество знакомств и много полезной информации. Его невозможно заставить стать сексотом ментовки или ФСБ, но с Доктором он всегда сотрудничает с удовольствием из личной симпатии и уважения. И даже более того, как и сам Доктор, смотрит на закон закрытыми глазами, если это необходимо для дела.

– Привет. Слушаю тебя.

– Привет. Я включился в твоё дело...

– И что? Есть новости? – Доктор разговаривает и смотрит на двух ментов, что ждут кого-то около внутреннего телефона. Менты старательно прислушиваются к его разговору.

– Кое-что есть... Приезжай ко мне на старую квартиру... – коротко сообщает Юра. – У меня в гостях один из этих скинов, что азеров трясли. Хороший добродушный мальчишка... С ним можно откровенно поговорить... Даже сильно бить необязательно... Адрес помнишь?

– Помню... Еду...

Он убирает трубку и останавливается прямо против любопытных ментов:

– Вам что, рассказать, кто звонил?

– Что? – рассеянно спрашивает старший лейтенант.

– А ни хрена!.. – рявкает Доктор. – Не люблю, когда уши растопыривают... Оторвать могу...

Он выходит, оставив ментов в растерянности, и старается хлопнуть дверью, но дверь слишком тяжелая, закрывается медленно. Такой не хлопнешь, даже имея лосиную силу Доктора.

Доктор оставил свой «Мерседес-500» на стоянке в Москве, потому что рассчитывал обернуться за два дня, как получалось у него обычно, и теперь вынужденно пользуется в городе «девяткой» жены, в которой чувствует себя человеком, сидящим на корточках. Машина явно не предназначена для его двухметрового роста, и езда в ней утомляет. Тем не менее приходится пристраиваться, сдвинув сиденье до предела в заднее положение и едва не сломав его. Через полчаса он уже в старом отдаленном районе города, среди двух- и трехэтажных кирпичных домов, построенных когда-то пленными немцами. Довольно добротные строения, выдержавшие советские и даже постсоветские коммунальные издевательства.

Дома похожи один на другой. Понадеявшись на свою память, Доктор сначала въезжает в другой двор, но вовремя вспоминает, что в соседнем точно таком же доме должно быть кафе с каким-то пельменным названием. Здесь такого заведения без бинокля не просматривается. Тогда он отыскивает через квартал само кафе, а потом уже и нужный дом.

Должно быть, его ждут у окна. Шагов навстречу не слышно. Дверь на звонок сразу открывает незнакомый парень уголовного типа. Распахивает ее пошире, пропуская Доктора. Парень даже не спрашивает имени.

– Юрий Василич, – говорит в комнату, – так я пошел...

– Иди... – раздается из комнаты знакомый голос.

Доктор провожает парня взглядом, закрывает за ним дверь и проходит в квартиру. Юра сидит на подоконнике, поигрывая пистолетом – на пальце крутит по-ковбойски. Получается это у него довольно ловко. Доктор тридцать лет имеет дело с оружием, а так не умеет. Впрочем, с пистолетом понятно, на его пальце пистолет крутить – то же самое, что крутить его на бревне.

– Привет, шеф... – Юра курит сигареты «Parliament» – признак респектабельности – и улыбается.

В этот приезд они с Доктором не встречались. Только общались по телефону.

¹⁰ Эпизод романа «Братство спецназа».

– Привет, ковбой...

Такое обращение тоже не случайно. Ростом волонтера бог обидел, и он всегда носит высокие каблуки, чтобы казаться солиднее. Высокие каблуки на обуви – ковбойский стиль, хотя они и лишены шпор.

Доктор пожимает Юре руку и оборачивается к «виновнику» такого срочного вызова.

Посреди комнаты на стуле сидит крепкий бритоголовый парень. Выражение лица не кричит о высоком интеллекте. Ноги привязаны скотчем к ножкам стула. Руки таким же скотчем стянуты за спинкой. На лбу пара основательных ссадин. На куртке видны отпечатки чьих-то не слишком чистых башмаков. На вид слегка испуган. Парню от силы восемнадцать лет, он считал себя достаточно крутым, а оказалось, что и постоять за себя не сумел: вломили, увезли, связали...

– Это и есть тот самый молодой убийца?

Доктор смотрит холодно, без проявления эмоций. Встречный взгляд парня испуганно взлетает. Ждет уточнения. Он еще не слышал об убийстве. Рассчитывал, что привлечь его могут, самое большее, «по хулиганке». Плевая статья... Только авторитета добавит. Ну, могут еще приписать разжигание межнациональной розни... Статья еще более плевая...

– Он самый... – подтверждает Юра. – Что, тот азер уже «крякнул»?..

– После третьей операции на мозге... Эти козлы его велосипедной цепью огрели... Перелом черепа в трех местах, прострел в лобовую кость, трещина лобовой кости, растечение мозговой жидкости. С таким не всегда выживают... – Доктор легко координирует психологическое давление.

Он умеет это делать, знает теорию и неоднократно применял систему на практике. После первого, незначительного психологического удара, нанесенного как бы случайно, почти нехотя, следует дать надежду на спасение, а потом нанести более сильный удар. Такое чередование «кнута и пряника» действует почти безотказно на людей, не имеющих специальной подготовки или особого эмоционального настроения. У парня нет ни того ни другого. Вытатуированная на голой крепкой шее посолонь¹¹ вовсе не говорит об идейности. Доктор хорошо знает, кто такие скинхеды, и их неизменно низкий интеллектуальный уровень.

– Туда ему и дорога... – Юра проходил обучение у Доктора и легко вливается в допрос, выполняя как раз нужную сейчас функцию. Протянул «пряник»...

– С этим я соглашусь... – кивает Доктор. – Но сегодня ночью прилетела бригада спецов-боевиков из Баку... Разыскивают этого вот и его друзей... Среди них бывшие опера азербайджанского КГБ, опытные разыскники. Город перевернут... Найдут... А если этот не будет говорить со мной достаточно открыто, я сам позвоню... Отдадим его им... Они умеют допрашивать... По кусочку кожу снимать будут. По дециметру в час...

Так Доктор заносит над плечом «кнут», пугая ударом с размаха.

– Что надо-то?... – Скин сам идет навстречу вопросам, не дожидаясь удара, – быстро сломался, квашеный...

– Надо только сказать, почему вы выбрали именно этого азера и его жену. Вопрос выбора – вот почти единственное, что меня интересует...

Парень долго соображает:

– Ну... Жил он в нашем районе... Квартиру купил... Богатый...

– Что еще вы про него знаете?

– Кафе у него свое... Наркотой там торговал...

¹¹ Посолонь – сакральный ведический знак, соответствующий символу круговорота Земли вокруг Солнца, неизменности смены суток и времен года. Безграмотно идентифицировать посолонь и фашистскую свастику, хотя они имеют сходное начертание.

– Это уже ближе к теме... Что определило ваш выбор? Азеров в городе полно. А вы выбрали именно этого... Обрати внимание, я даже не спрашиваю ни твоего имени, ни имени тех, кто был с тобой... Мне это неинтересно. Мне важен принцип. Принцип выбора... Важно все, что вы знаете об этом человеке... Может быть, и о его жене...

– Да ничего не знаем... Пусть у себя в Баку наркоту толкает... Нечего наших парней травить...

– Да, – соглашается Доктор. – Это причина... Вы знали, что было зашито в шубе его жены?

– Откуда? Мы не мерили... Сняли шубу, за угол зашли, там бомжиха навстречу... Приодели ее... Для смеха... И дали пинка, чтоб проваливала... Мы вообще-то бомжей тоже не балуем...

– А мужская дубленка?

– В мусорный контейнер бросили... Еще какой-нибудь козляк подберет...

– У дубленки тоже была подкладка?

– Нет вроде... Обыкновенная дубленка...

Большого, чувствует Доктор, с этого молодца взять невозможно. Они бьют иностранцев только по национальному признаку, не понимая, что и русских в том же Азербайджане обрекают на подобную участь. Бьют не за что-то, а только за иной цвет волос, кожи, глаз... Подонки, но их наказывать за это бесполезно, потому что наказывать следует того, кто создает такую ситуацию. А создают ее продажные чиновники, в том числе и менты...

– Ладно, отпусти этого мудака... – командует Доктор. – Его все равно найдут и «грохнут»...

Юра спрыгивает с подоконника, вытаскивает из кармана нож и разрезает скотч.

– Смотри, братан, – предупреждает он, – эту квартиру забудь... Иначе я с тобой обойдусь хуже, чем залетные азеры... Я знаю, где тебя искать... Из-под маминой кровати вытащу...

2

Это снова «Ленд Ровер», только теперь уже цвета кофе с молоком.

На улице, куда выводят Дашинимаева – отпустив руки, чтобы не привлекать внимания, но предупредив предварительно, что стрелять будут при любом резком движении, – моросит мелкий дождь. Сразу вспомнилось, что в России зима выдалась снежной, хотя и теплой, подумалось, как хорошо сейчас там... Там... А не здесь... Там, где спокойно, где многократно спокойнее, чем в чинном, традиционном и культурном Дрездене... Там, где никто и никогда не наставлял на Циремпила пистолет с глушителем, да и без глушителя пистолет тоже никто не наставлял...

Сказать, что он не испугался, – значит сказать неправду. Конечно, испугался... Конечно, и в свою сторону ждал выстрелов. Когда этих выстрелов не последовало, он понял, что это не простое убийство, то есть не тот случай, когда не желают оставлять свидетелей. Это, конечно, от испуга не избавило. Но он не начал дрожать, не начал испуганно выпрашивать, чего от него хотят и зачем убили профессора Родича. Надо будет – скажут, а сейчас объяснять ничего не будут. А выпрашивать, настаивая, – это, во-первых, неприлично для мужчины, потому что напоминает мольбу о пощаде или надежду на нее, а во-вторых, это одновременно значит вероятность нарваться на какую-то дополнительную неприятность. Хотя любая неприятность кажется не такой уж и великой в сравнении с происшедшим...

Циремпил никогда не имел склонности к истерике – в разных ситуациях, и в очень сложных, хотя в подобной нынешней ему бывать не доводилось. Восточная неторопливая мудрость, восточный же фатализм ему весьма были присущи. И он ведет себя в соответствии

с восточными традициями – держится спокойно, почти величественно. Словно его не ведут силой, а просто сопровождают. И даже походка у Циремпила неторопливая. Взгляд прямой...

Место в машине ему отведено заранее, и понятно, что это место – на заднем сиденье посередине. Не вырвешься при всем желании, жестко ограничивают с двух сторон.

– Откуда ты здесь взялся? – спрашивает его человек с правого переднего сиденья, тот самый – убийца несчастного историка.

Машина трогается. Циремпил думает всего несколько секунд, но не видит причины скрывать свое настоящее лицо. И потому отвечает откровенно:

– Приехал по приглашению профессора помочь ему в работе...

– Что за работа?

– Расшифровка славянской письменности... По результатам археологических раскопок...

– Кому это надо... – фыркает убийца и наклоняется к стеклу дверцы, рассматривает какую-то молоденькую девчушку-немку, невинно размахивающую сумочкой. Хорошее, должно быть, настроение у девчушки.

– Многим надо... – отвечает Циремпил.

– Документы! – Убийца, не оборачиваясь, властно протягивает руку.

Циремпил лезет во внутренний карман, но два человека, сидящие по сторонам, резко хватают его за руки, придерживают и ощупывают на предмет оружия. Оружия нет. Откуда взяться оружию у художника и слависта-любителя... Хватка разжимается, и Циремпил может достать и предъявить заграничный паспорт гражданина России.

Убийца принимает документ, перелистывает. Долго рассматривает фотографию.

– Красавчик... Лицо-то какое строгое... Так ты, значит, бурят... А я Булат... Бикбулат... Так меня зовут. Будем знакомы... А чтобы ты не рыпался, я тебя сразу напугаю. Ты ехал в гости к немцу, а попал к ичкерийцам... Мы не церемонимся с теми, кто не хочет нас понимать...

Циремпил не может сдержать вздох, и это вызывает у похитителей смех.

– Вижу, что понял... А что не спрашиваешь, зачем ты нам понадобился?

– Зачем я вам понадобился?

– Вот, это уже разговор по существу. А дело-то, понимаешь, в том, что нам ты не нужен, но нужен другому человеку. И он хочет купить тебя у нас. Он обещал десять штук евро. Платишь вдвое больше, и ты свободен... Пусть сам тебя отлавливает...

– У меня нет таких денег...

– Родственникам позвони. Пусть побеспокоятся...

Циремпил понимает: тут что-то не так. Ради этого они не стали бы убивать в Германии немца. В Чечне – запросто, а здесь не рискнули бы. И если они в самом деле похитили его по заказу, то сейчас хотят совместить приятное с полезным.

– Мои родственники слишком бедны, чтобы собрать такую сумму. Кроме того, я давно не поддерживаю с ними связь.

Убийца вздыхает:

– Пошарьте у него по карманам. Я не верю в его нищету...

Карманы выворачивают сразу с двух сторон. Там всего полторы тысячи евро. Дашинаев планировал пробыть в Дрездене только три дня. Деньги ему, естественно, не возвращают.

– А сотовик? Где твой сотовик? Где припрятал?

– У меня нет сотового телефона. Для меня это слишком дорого, да и не вижу в нем нужды...

– Общайте его как следует...

– Уже обыскивали...

Но все же обыскивают снова. Неторопливо, тщательно, без стеснения. Циремпил выносит все это молча, сидит, невозмутимый, как Будда, и смотрит вперед.

– Пусто...

Машина на скорости несется по улицам города. И не боятся ехать на скорости, которую сами немцы не любят. Немцы уважают правила, а чеченцы считают правила ущемлением своей свободы. Любой полицейский может остановить. А эти и здесь, как в Москве, желают чувствовать себя хозяевами.

– А кто такие вообще – буряты? Откуда они взялись? – Убийца прячет паспорт Дашинаева в карман.

– Буряты и калмыки – единственные на сегодняшний день потомки тех монголов, что вместе с Чингисханом покорили полмира... В том числе и весь Северный Кавказ... Больше нас не осталось...

– А монгольские монголы?

– Это совсем другие племена. Они не имеют к великим монголам никакого отношения. Пастухи пришли на опустевшие земли и стали называться именами тех, кто жил там до них...

– Вот и изучал бы бурятско-калмыцко-монгольскую историю. А ты к русским подмываешься... Думаешь, не заметят, что ты узкоглазый?

Циремпил молча переносит презрительное к себе отношение. Слишком сильна в нем восточная мудрость, чтобы обижаться на унижения. Унижает слабый духом. Сильный духом никогда не опустится до унижения другого. Он без этого знает свою силу и не нуждается в ее подтверждении.

– Подъезжаем... – говорит водитель, до этого не сказавший ни слова. – Кажется, где-то здесь...

– Третий дом от поворота... – подсказывает убийца.

Циремпил с удивлением замечает, что водитель русский или еще какой-то славянин. Впрочем, стоит ли удивляться. У бандитов нет национальности...

* * *

Поворот, третий дом от поворота...

Глаза охотника регистрируют и запоминают увиденное. Может, когда-нибудь сгодится.

Здесь не такой дом, как у профессора Родича, хотя тоже двухэтажный. Здесь дом стоит посреди двора, огороженного красным кирпичным забором. «Ленд Ровер» резко останавливается у ворот, вспугнув при повороте тощего уличного пса с хронически поджатым хвостом. Водитель дважды коротко бьет по сигналу. Открывается калитка, высовывается лицо, но тут же исчезает. Машину узнают. Ворота открываются...

3

Разин смотрит, как подается вперед Абу Бакар, как он раскрывает рот, в надежде слизать порошок с кончика ножа. Подполковник готов уже уважить желание страждущего, но что-то в глазах египтянина не нравится ему, какое-то торжество, вовсе не соответствующее моменту. Это не желание наркомана. Это уверенность в себе победителя...

– Лучше – ты... – говорит Разин и протягивает нож в сторону одноногого Али Бакирова. Тот шарахается в сторону...

– Как от чумы... – говорит Паутов, внимательно посматривая на пленников поочередно.

Как от чумы? Подполковник решительно стряхивает порошок в мешок, а сам мешок тщательно завязывает. И встречает злобный, отчаянный взгляд полевого командира.

– Так что это? – спрашивает Разин.

И египтянин и чечен молчат.

– Ризин, – говорит, входя в комнату, капитан Ростовцев. – Яд... Почти боевое отравляющее вещество, но не совсем... И здесь его делали... Бакиров делал... А раз в неделю Абу Бакар забирал продукцию...

Капитан улыбается. Доволен произведенным эффектом. Ростовцев пришел с результатом допроса других пленных. У Паутова, может быть, тоже есть уже такие данные, но он более скрытен, при посторонних не говорит.

– Зовите омовцев. Пусть принимают этих... – кивает Разин в сторону Али и Абу.

Абу вдруг издает плаксивый шакалий крик и бросается лицом в стол, чтобы вцепиться в пакет зубами. Но он не знает, должно быть, почему медведь для дрессировщика самый опасный зверь. Гораздо более опасный, чем львы и тигры. Медведь нападает молча, а львы и тигры рычат перед нападением. Паутов среагировал раньше – крик помог ему в этом, и вместо мешка с рицином лицо полевого командира встречается с его тяжеленным кулаком.

Входят омовцы. Абу Бакара под руки поднимают, ставят на ноги и, для профилактики, бьют прикладом по шее. Чтобы головой лишний раз не вертел и не беспокоил никого своей суетливостью. Удар не сильный, но оскорбительный, и египтянин не шевелится, чтобы не нарваться на новое оскорбление.

– Костыль держи покрепче, – серьезно инструктирует Али Бакирова еще один омовец. – Если попробуешь его чуть выше необходимого поднять, приклад сразу летит в морду лица, а костыль гуляет сам по себе, вприпяс, и ломает себе на неровностях почвы конечности. Придется на трех своих конечностях скакать. «Шпорить» будем пинками. Учти.

– Поехали, командир... – торопит Паутов.

– Забери это... – Разин показывает Ростовцеву на мешочек с рицином. – Куда едем?

– По дороге доложу... Машины уже готовят...

Выходят из дома и быстрым шагом направляются к месту захвата.

Рядом с перекрестком уже завершается работа. Спецназовцы при необходимости умеют действовать не хуже профессионалов автосервиса. С пострадавшей зеленой «Нивы» на белую переставляются колеса. Выбрасываются задние сиденья вместе с багажником, чтобы поместить там как можно больше бойцов. Основательно же помятый «Запорожец» от столкновения претерпел мало неудобств – не машина, а танк. Заднее расположение двигателя позволяет ему быть хорошим тараном. Он выезжает первым. Люди в «Запорожце» уже проинструктированы Паутовым, как сам майор докладывает Разину. «Нива» едет сразу после того, как сменят колеса.

– Эти, с белой «Нивы», не из отряда Абу Бакара. У них своя диверсионно-террористическая шобла. Обосновались небольшими группами в Грозном и в городах России. Готовятся проводить в России отравления с помощью рицина. Ризин им Бакар продавал и не подпускал к своему изготовителю. Потому машина ждала у перекрестка. За следующим перекрестком они расстанутся и разъезжаются по разным ущельям. Костяк банды в настоящее время в соседнем селе. Дом покажет пленный. Шестнадцать человек... ОМОН уже выступил в оцепление. Но мы их опередим... «Запорожец» подождет нас на дороге, чтобы сразу не обратили внимания, что мы едем вместе.

* * *

Теперь на скорости. Догнать «Запорожец».

– Я Волга. Ясень, как слышишь?

Позывной «Ясень» у лейтенанта Сосненко. Он в «Запорожце». Там же капитан Юрлов, старший группы, но у Юрлова сломан микрофон «подснежника», все слышит, но не может ответить, приходится общаться через лейтенанта.

– Я Ясень. Слышимость нормальная... Мы уже на подъезде к месту... Въезжаем в село...

– Сбрасывайте скорость... Наша телега вот-вот развалится... Она вся прострелена... И бронирована... Тяжело идет...

Зеленая «Нива», в самом деле, на ходу неуклюжа, на поворотах не хочет слушаться руля. Мало того, что машина бронирована, она еще и перегружена до предела людьми. Но все же тащится, как бронтозавр, чуть не сев корпусом на колеса.

– Волга, я Ясень, в селе тревога! В селе тревога! Женщины выскакивают на улицы. Шумят... Стучат по трубе.

Село газифицировано. Как во всех чеченских селах, труба газопровода служит сигнализацией. Стоит на окраине появиться бронетранспортеру с российским флагом на зеленом корпусе, как первая же попавшаяся женщина выскакивает на улицу и начинает бить в трубу. Слышно везде...

– Омоновцы поторопились... – сетует майор Паутов. – Рано я их послал... И зря... Сами бы лучше справились... Вошли в село с другого конца...

– Я Волга. Ясень, действуй по обстановке. Идем на помощь... Бандиты будут отступать в нашу сторону...

– Я Ясень. Они вообще не будут отступать... По домам рассеются... Если успеют... Мы уже почти около их дома. Вступаем в бой... С ходу...

* * *

Жители села спешат в ту же сторону, куда мчит, надтреснуто урча двигателем, «Запорожец». На машину внимания не обращают. Кто воспримет такую тарантаску всерьез... А люди в камуфляже за стеклами – так и что же, боевики тоже в камуфляже... Трудно с ходу разобраться... Жители села сейчас хотят лишь одного – перекрыть дорогу бронетранспортеру, чтобы дать возможность боевикам сориентироваться и принять какое-то решение.

Вот и нужный дом. Боевики уже готовы – все на улице... Шестнадцать человек. Ощетинились автоматами, приготовили два гранатомета, смотрят, ждут БТР.

– Тормози так, чтобы поперек дороги встать! – командует Юрлов. – Стрелять с ходу... Первых – гранатометчиков...

Лейтенант Сосненко тормозит, машину заносит и разворачивает, двигатель глохнет. Два человека вываливаются из машины почти на ходу. Стволы бьют стекла, и сразу из четырех автоматов начинается обстрел толпы короткими хлесткими очередями. Боевики не только рассеяться не успели, они не успели еще обернуться, когда еще два спецназовца выскакивают из машины и занимают позиции за «Запорожцем». Атака молниеносная, неожиданная, и она сразу выводит из строя треть состава банды. Но численное преимущество на стороне оставшихся. Они успевают залечь, отвечают огнем на огонь и не дают разведчикам голову поднять, чтобы дать прицельную очередь.

Улица пустеет за несколько секунд. Толпы женщин, только что спешившие на другой конец села, словно в воздухе испаряются. За ними никто не следил, и не видно, куда женщины попрятались. Но все население республики хорошо знает, что такое шальная пуля, знает, что во время боя ни одна воюющая сторона не подумает о том, кого может задеть очередь.

Звучит по-чеченски команда. Двое боевиков перебегают в сторону, чтобы совершить обхват. Одного Сосненко заставляет уткнуться лицом в дорогу. Повторная команда. Еще двое перебегают в противоположную сторону. И опять только один добирается до позиции. «Запорожец» дрожит всем своим грубым металлическим корпусом от получаемых пуль, но терпит и не взрывается. Пленный боевик, оставленный в машине, наверняка уже принял в свое тело столько очередей, что вполне хватило бы на всех, стреляющих с двух сторон. И

тем не менее положение спецназовцев становится критическим. Те два боевика, что успели перебежать в стороны, стреляют оттуда, опасно взрыхляя снег на дорожном покрытии.

Снова какой-то крик по-чеченски. Ему отвечают еще несколько радостных криков. За спиной офицеров слышится урчание двигателя «Нивы». Боевики ждут подкрепления. Предвидят удар в спину атакующим. Но «Нива» проезжает мимо «Запорожца». Разин поспевает вовремя. Его группа начинает вести огонь прямо из машины. Новая неожиданная атака решает исход дела за короткие мгновения.

И только тогда, когда тела убитых сложены на дороге, прорывается сквозь блокирующую дорогу толпу женщин и приближается с другого конца села БТР с омоновцами...

ГЛАВА 3

1

Доктору звонит на мобильник жена:

– Витя, тебя разыскивает Оленин. Старший следователь областной прокуратуры по особо важным делам. Кажется, я помню такого... Он с тобой встречался несколько лет назад по поводу...

– Кажется, я тоже помню... – отвечает Доктор.

– Его зовут Николай Сергеевич. Просил тебя с ним связаться. Запоминай номер...

– Спасибо. Ты даже без зарплаты отлично справляешься с функциями секретарши. Так и продолжай...

Этот старший следователь когда-то служил младшим сержантом в Афгане во взводе, которым командовал Сохатый. Считался неплохим бойцом. При нем же Сохатого крупно подставили афганские правительственные спецслужбы, ввязав в собственные разборки, и посадили по приговору военного трибунала. Дым Дымыч считал Оленина своим другом до тех пор, пока не стал у следака главным подозреваемым по нескольким заказным убийствам¹². Доктор встречался с Олениным несколько раз. И не всегда встречи были приятными. Методы работы Доктора прокуратура одобрить не может. Но сотрудничать им время от времени приходится.

Остановившись на перекрестке перед светофором, Доктор набирает номер.

– Николай Сергеевич, это Гагарин... Приветствую тебя... Ты меня разыскивал?

– Да, Виктор Юрьевич, рад тебя слышать... Мне сегодня сказали в ФСБ, что ты интересуешься определенным вопросом, который я веду. Если есть желание, можешь посмотреть на того старшего прапорщика из ментовки, что под видом кокаина продал наркоманам рицин.

– Когда?

– Через полчаса его ко мне доставят.

– Я сейчас в Металлургическом районе. Постараюсь успеть. Но допрос начинай без меня. Я просто загляну, может быть, пару вопросов задам и поеду дальше... В принципе этот мент – отработанный материал... И интерес представляет только для тебя... Но чем черт не шутит...

Оленин когда-то сам мечтал работать в Интерполе, может быть, и сейчас мечтает, но Доктору он не особо симпатичен из-за своей старательности в созидании карьеры. Тем не менее грех отказываться от возможности узнать что-то новое, и Доктор нажимает на акселератор. Однако в городе в последние годы появилось такое количество машин, что приходится подолгу простаивать на перекрестках. В итоге Доктор успевает только к самому концу допроса, когда старшего прапорщика, по сути дела, уже бывшего старшего прапорщика Колю Рыбина, оставившего некормленной свою «обширную» жену, выводит из кабинета старшего следователя конвойный. Тем не менее в кабинет Доктор заходит. Пожимает Оленину руку.

– Уже вижу, что опоздал... Но это в принципе не столь и важно... Меня сейчас волнует только касательный вопрос. Этот мент постоянно приторговывал наркотой?

– Отдел собственной безопасности сейчас пытается доказать это... Хотя, мне кажется, бесполезно... Он слишком туп, чтобы таким заниматься постоянно.

¹² Действие романа «Братство спецназа».

Доктор не спешит согласиться.

– Все они такие... Но, если не ошибаюсь, клиентуру он нашел сразу.

– Разве это проблема? В каждом районе есть аптеки, где наркоманы пасутся постоянно. В одной из круглосуточных аптек есть даже милицейский пост. Рыбин заглянул туда, поговорил с дежурным, тот показал ему парней. Я уже допрашивал и этого дежурного, и даже девушку, дежурного фармацевта. Та Рыбина в лицо не помнит, помнит только, что к менту пришел мент и они громко матерились. Даже какая-то старушка им замечание сделала. Вот все, что она смогла сообщить...

– Негусто... Но попробуем удовлетвориться этим. Отработкой азеров тоже ты занимаешься?

– Нет. Это уже следственный отдел ФСБ... Майор Леонченко. У них там свои наметки...

– Знаю такого. Заеду сейчас к нему, поскольку рядом...

Доктор прощально поднимает руку, но Оленин поднимает руку сам, останавливая гостя. Доктор вскидывает голову, изображая внимание к предстоящему, судя по всему, вопросу.

– Ты совсем в Москву перебрался? Или как?..

– Или как...

– Но, я слышал, ты купил там квартиру?

– Это услышать нельзя, это можно узнать только путем следственных действий... – Доктор хмурится. Оленин опять суется в дела, его никак не касающиеся.

– Неважно... Но ты все же купил...

В действительности квартира, в которой живет Доктор в Москве, куплена Интерполом на его имя и является, по сути дела, служебной, если даже не конспиративной.

– Имею я право, как честный и порядочный гражданин своей страны, заниматься обыкновенной спекуляцией недвижимостью?..

– Я не о том... – продолжает приставать старший следователь.

– Недвижимость в Москве растет в цене в неестественной геометрической прогрессии... Я вкладываю свободные деньги в деловое предприятие, не больше...

– Меня интересует...

– Я понимаю, что тебя интересует. Но мое место здесь пока не освободилось. Я просто помогаю там... – Доктор говорит жестко, чтобы Оленин понял. – И не думаю, что освободится скоро...

В действительности штаб-квартира уже запрашивала Доктора по поводу возможной кандидатуры преемника на должности резидента в регионе Урала. И Доктор представил список возможных соискателей на эту должность. Оленин в список не вошел.

– Я понял... – вздыхает Оленин.

С тем Доктор и выходит, не поднимая руку для повторного прощания. Из машины звонит в областное управление ФСБ майору Леонченко:

– Приветствую, Виктор Викторович... Это Гагарин. Можешь выделить мне энное количество минут для разговора?

– Здравствуй, Виктор Юрьевич... – Леонченко, как всегда, изображает очень занятого человека. В нем живут наследственные чиновничьи гены – и мама и папа были в свое время партийными чиновниками, и это всегда заметно при общении. – Очень сейчас занят... Уезжаю...

– Надолго?

– На пару часов... Если попозже, пожалуйста...

– Можем поговорить на ходу. Я сейчас подъеду, ты спускайся к выходу... Это пара минут...

– Хорошо. Ты на своем «пятисотом»?

– Нет. «Мерс» остался в Москве. Я на «девятке» жены. Но мне почему-то кажется, что ты все равно меня узнаешь...

– Я попробую... – Леонченко соглашается со звучным вздохом. – Выхожу. Так, может, будет даже оперативнее.

Доктор не уточняет, что имеет в виду майор. На месте все выяснится. Езды от прокуратуры до управления ФСБ – две минуты. Интерполовец опережает майора и не заставляет его ждать, и сам почти не ждет. Леонченко садится в машину.

– Я посоветовал Оленину держать тебя в курсе дела... – пожав руку, сразу приступает майор к делу. – И даже понимаю, чем вызвано твое желание поговорить со мной...

– Азеры...

– Да, конечно... Мы сейчас прорабатываем все связи. Однако, по нашим данным, погибшего не должен был интересовать рицин. Героин, кокаин – да... Но не рицин...

– А его жена? – возникает у Доктора резонный вопрос.

Виктор Викторович делает многозначительную паузу.

– Вот здесь-то и возникают интересные моменты. Оказывается, его настоящая жена проживала и проживает в Баку и никуда оттуда не выезжала. А кто проживал в городе по ее документам – это нам предстоит выяснить. Но тут главное на сегодняшний момент – не перестараться, не спугнуть... В больнице выставили наблюдение. Оперативника посадили под видом больного. Даже ногу ему для приличия загипсовали. Лежит в палате напротив. Держит дверь открытой. Стараемся работать аккуратно. На улице пост на двух автомобилях. Лица, навещающие женщину, берутся под контроль. Пока это все известные нам люди. А что будет дальше – посмотрим... Потому и не могу дать тебе никакой иной информации, кроме... – Леонченко протягивает Доктору конверт. – Здесь ее фотографии. Две фотографии мы нашли дома... Женщина вместе с «мужем»... Обыск проводили, сам понимаешь, негласно. Нашли запасы героина. Около четырехсот граммов в одном распечатанном пакете. Очевидно, время от времени из этого пакета дозы отвешивались. Фотографии отсканировали, оригиналы вернули на место. Три фотографии сделаны скрытой камерой в больнице. Здесь она, как видишь, уже с «косметикой»... Скин постарались. По нашей картотеке и по картотеке МВД она не проходит. Попробуй идентифицировать ее через свои каналы.

– Национальность?

– Трудно сказать. Может быть, азербайджанка, может быть, курдка, может быть, чеченка... Медсестра обратила внимание, что женщина не знает некоторых обиходных слов, которые знают даже деревенские азеры. Это дает определенный толчок для работы мозга. Знать бы только, в какую сторону следует после этого толчка двигаться... Если иностранка, то из какой страны, кого нам запрашивать... Потому мы и подумали, что она может проходить по картотеке Интерпола.

Доктор рассматривает фотографии:

– В молодости она была, должно быть, красива... Как ее самочувствие?

– Лежит... Сильнейшее сотрясение. Но сегодня уже начала ходить. Добиралась по стенке до туалета. Через пару дней может совсем окрепнуть.

– Хорошо. Сделаю сразу же. Через меня будет быстрее, чем через официальные каналы.

– Потому и обращаюсь... – кивает майор. – В прошлом месяце мы пробовали послать запрос через НЦБ¹³. Полторы недели ждали ответа. Они там все – чиновники, а вы все-таки оперативники... Как только будет результат, сообщи мне. Оперативно. Очень жду.

Леонченко пожимает руку на прощание.

¹³ НЦБ – национальное бюро Интерпола в Москве.

Доктор включает передачу и думает о том, что ему, возможно, не придется и нынешней ночью, как планировал раньше, вылететь в Москву.

Впрочем, все зависит от ответа на запрос.

2

Снег около устья¹⁴ пещеры, полутораметрового в высоту и метрового в ширину, сильно притоптан, тем не менее все равно скрипит под ногами и предупреждает о визите. Конечно, трое боевиков, оставшихся в пещере, не ждут нападения, уверенные, что трое их товарищей здесь же, рядом, и всегда готовы прикрыть в случае необходимости или хотя бы поднять тревогу при опасности. Кроме того, они только что вернулись, промерзли, устали, и наверняка если не спят, то находятся в полусонном состоянии. И никак не готовы к отражению атаки. И скрип снега под ногами не должен их обеспокоить.

Но есть в подобной обстановке одна неприятная и опасная вещь. Когда заходишь с яркого света в полумрак, сам долго ничего не можешь разобрать, в то время как люди, находящиеся в пещере, давно уже привыкли к скудности освещения и тебя видят сразу. И имеют возможность выстрелить прежде, чем у тебя привыкнут глаза. А они привыкают не за пару секунд. Конечно, есть большой соблазн напасть на спящих и захватить их живьем. Но подвергать свою жизнь неоправданному риску никому не хочется. Спецназ всегда старается свести риск к минимуму – это закон профессионализма, соблюдаемый неукоснительно и дающий возможность выходить победителем чаще, чем терпеть поражения.

И потому полковник Согрин, переглянувшись с товарищами, без объяснений готовит осветительную магниевую гранату. Урон эта граната никому принести не может. Она громко взрывается, пугая, через пять секунд начинает шипеть огненным шаром, разбрасывает, как слюни, яркие светящиеся брызги – и долго потом еще глаза ничего не желают видеть. Даже в уличной обстановке такая граната способна на какое-то время ослепить. А уж в сумеречном помещении эффект действия увеличивается стократно.

Но опасения и сомнения все же есть...

– А если там несколько комнат? – спрашивает Кордебалет шепотом. – И спят где-то в стороне, чтобы в зад не сильно поддувало...

– Толя, ты спец по пещерам... – обращается полковник к Сохно.

– Может такое быть... – соглашается майор, однако голос его не внушает опасения. – Если есть щели и лазы, заберутся, сразу не выковырнешь... Но...

Он показывает пальцем на прокопченный потолок устья.

– Это аргумент, – соглашается полковник, сразу понимая жест.

– Да... Костер где-то недалеко... Если спят в комнатках, какой смысл огонь разводить близко к входу? Не май месяц на дворе, спать ложатся у огня... – поясняет Сохно свой довод.

– Резонно, – соглашается и Кордебалет.

Согрин наклоняется и первым шагает в проход, держа гранату наготове в левой руке, а в правой – обнаженный нож с черным, не блестящим на свету лезвием. Сразу за проходом коридор поворачивает и становится выше. При доходящем с улицы свете можно заметить следы человеческой работы – потолок «поднимали», чтобы не стукаться головой. Новый поворот. Полковник заглядывает за угол осторожно – только на долю секунды. Да можно и не заглядывать – и без того на камнях коридора играют отблески маленького костерка. Топливо берегут. В горах топливо дорого ценится. В прошлом месяце одна небольшая банда перестреляла другую за воровство топлива... Но в этой пещере, чувствуют разведчики, топливо уже не понадобится. По крайней мере, они готовы приложить к этому все усилия.

¹⁴ Устье – вход в пещеру.

Согрин оглядывается, встречает светящиеся в полумраке взгляды офицеров, кивает им и просто, по-деловому, бросает за поворот гранату. Взрыв в замкнутом пространстве звучит громко. Оглушить способен. Взрывная волна испуганной вороной пролетает мимо спецназовцев к выходу. И даже в коридоре становится неестественно светло. Граната начала работать. Они дожидаются, пока пройдет самая яркая вспышка и начнется громкий треск, и только после этого быстро шагают за поворот.

Двое боевиков стоят, закрыв лица руками. Позы показывают растерянность и непонимание. У третьего в руках автомат. Он тоже ничего не видит, не ориентируется, но может дать случайную слепую очередь – в разведчиков или в сотоварищей. И Согрин сразу делает выпад, бьет бандита ножом по горлу. Двоих других, безоружных, скручивают быстро, пока в себя не пришли. Стандартный спецназовский способ связывания – «баба-яга», когда руки за спиной привязываются к согнутой в колене ноге, петля перебрасывается через горло и к той же ноге крепится. В таком положении и сопротивляться невозможно, и удушить себя трудно, и просто находиться долго – мучительно.

Полковник и Кордебалет знают свое дело – им осматривать пещеру. И они времени не теряют – приступают сразу. Сохно не хуже знает свое – обязанности в группе распределены много лет назад. Начинается допрос. Сразу, без подготовки, без уговаривания и обещаний райской жизни в обмен на откровенность. Твердой рукой, без церемоний, боевики поставлены на колени. Так петля меньше давит на горло, говорить позволяет, хотя и вынуждает прогибать спину. И конкретно ставятся жесткие вопросы.

– Куда каждый день выходят тройки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.